

Юрий Чучмай

ВЕДЬМЫ ТАНЦУЮТ В ОГНЕ

16+

Юрий Чучмай

Ведьмы танцуют в огне. Том I и II

«Автор»

2010

Чучмай Ю.

Ведьмы танцуют в огне. Том I и II / Ю. Чучмай — «Автор», 2010

ISBN 978-5-532-07917-5

Молодой охотник на ведьм Готфрид Айзанханг спасает от жертвоприношения прекрасную девушку. Борясь с нахлынувшими чувствами и подозревая, что она не случайная жертва, он, тем не менее, решает скрыть её от неусыпного ока князя-епископа. Однако, вокруг девушки начинают происходить мистические события, а охоту за ней ведёт как ведовской ковен, так и верные псы инквизиции. Тем временем другая участница шабаша, Хэлена Каленберг, чудом избежав поимки, начинает свои поиски. Её интересует дьявол в железной маске, присутствовавший на шабаше. Эта история о конце самой кровавой охоты на ведьм в Германии. Сюжет основан на реальных событиях.

ISBN 978-5-532-07917-5

© Чучмай Ю., 2010

© Автор, 2010

Содержание

ПРЕЛЮДИЯ	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	60
Глава 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юрий Чучмай

Ведьмы танцуют в огне. Том I и II

«О, если бы все это можно было назвать выдуманным и не соответствующим истине! О, если бы, по крайней мере, церковь осталась незатронутой этим ужасным осквернением! Но, к несчастью, по свидетельству папской буллы, дело обстоит иначе. Тому же учит нас опыт, приобретённый на основании признаний ведьм касательно их позорных деяний. Мы не должны прекратить инквизиции, если не хотим подвергнуть опасности спасение своих собственных душ».

Яков Шпренгер и Генрих Инститорис, «Молот ведьм».

ПРЕЛЮДИЯ

Как часто люди говорят: «Это событие заставило меня по-другому взглянуть на мир» или «Это знакомство изменило мою жизнь», и как мало из них задумывается, что совершенно мимолётная, незначительная встреча порой может изменить судьбу тысяч людей, преломить ход истории. Как камешек, попавший в сандалию цезаря, останавливает целый легион на марше.

В небольшой живописной долине, среди высоких и по-весеннему зелёных холмов, на берегах реки Регниц, словно наконечник каменной стрелы в сердце едва проснувшейся природы, раскинулся Бамберг. С вершин семи холмов, на которых он стоит, открывается вид на крепкий франконский город с серыми и узкими улочками из мёртвого камня, который с востока защищает крепостная стена. Красные, словно пропитанные солнцем черепичные крыши оживляют его вид, а дымок из сотен труб несёт аромат домашних очагов, в которых горожане готовят угощения к святому празднику.

И в этот день, по воле Господа или же по наущению дьявола, в лавке мясника повстречались два человека. Простые немцы, не принадлежащие к знатным сословиям – дочь ремесленника и сын воина. Светлые, с золотистым отливом волосы девушки выбивались из-под белого чепца и обрамляли красивое белое лицо с тонкими изящными чертами и изумрудно-зелёными глазами. А он носил шляпу охотника на ведьм и шпагу с крестом на клинке.

Девушка была чем-то очень опечалена. Она долго выбирала мясо, разглядывала развешанные на стенах обрезки и туши, но не спрашивала цен. Вела себя очень тихо, словно боясь быть замеченной. Солдат-ведьмоволов же, пришедший купить продуктов на следующие несколько дней, решил не уходить раньше неё, чтобы хоть несколько минут полюбоваться красотой незнакомки.

Ему понравились её золотистые волосы, её белая кожа, её изящная хрупкость. И пока он стоял в углу лавки, наблюдая за незнакомкой краем глаза, в душе его вдруг потеплело, и словно малая свеча начала топить тот айсберг одиночества, от которого он мёрз вот уже многие годы. И ему, холодному и чёрствому сержанту городской стражи, вдруг захотелось взять её за тёплую руку и повести по улицам Бамберга, шепча: «Ты самая красивая, самая светлая девушка на земле, и даже Мария, Мать божья, да простят мне небеса эту ересь, с тобой не сравнится. Я готов погасить все звёзды или зажечь вновь, только бы чувствовать рядом твоё тепло. Чувствовать, что ты – часть меня. Лучшая моя часть...»

Но пока он подбирал слова, чтобы начать разговор, девушка купила несколько крупных кусков мяса и, одарив задумчивого мужчину застенчивым взглядом, опустила глаза и побрела прочь. Охотник на ведьм хотел было последовать за ней, но вдруг представил, как на него выжидательно и негодующе смотрит эта девушка, как он неловко хочет помочь ей, как она со страхом или еле сдерживаемым отвращением отказывается и уходит домой к мужу, который, верно, ждёт её. И ему вдруг стало горько и невыразимо тоскливо. Он заплатил за первый попавшийся мясной кусок и направился к выходу, успокаивая себя тем, что девушка такой красоты, наверное, весьма гулящая особа, которой другие мужчины пользуются лишь для удовлетворения своей похоти. А чего им от неё ещё хотеть? Ведь молодые дамы частенько, осознав свою телесную привлекательность, лишь о ней и радеют, забывая о заветах и заповедях, покидая Бога и множа разврат. Ему-то, охотнику на ведьм, это было известно лучше многих: часто чем красивее была девушка, тем более жуткие грехи брала она на душу. В конце концов солдат тяжело вздохнул и тоже вышел из лавки.

Ни он, ни незнакомка, которую он встретил, даже и не догадывались о том, какую роль в их жизнях и судьбе всего Бамберга сыграет эта мимолётная встреча.

Глава 1

ВЕДЬМА

Среди множества пивоварен, наполнявших серые улицы пряными запахами пива, особенно славился «Синий Лев». Более двухсот лет были распахнуты его окна с синими ставнями, выходящие на Доминиканерштрассе, а над дверью рычал, изогнувшись, железный лев. Каждый день хозяева выставляли под окна горшки с цветами.

На конце искусно выкованного флагштока, под самым фонарём, красовалась шестиконечная звезда – «пивной указатель». Его вывешивали на дверях тех пивоварен, где было свежее пиво. Над дверью же «Синего Льва» эта звезда горела всегда. Здесь е находилась и пивная, на чьей памяти было множество хмельных ночей и вечеров, множество праздников и драк, пьяного веселья и грусти, утопленной в пиве. И последний день апреля 1630 года ни чем не отличался от остальных.

– ...добрых два года! Два года, слышишь! Готовы взять их живём, да так спросить за всё, что черти в аду от признаний оглохнут! И вдруг получается, что рано. Как это так – рано? Что там ещё осенью будет? – разгорячённо возмущался Дитрих, и его снежно-белое лицо, которое впечатлительным барышням казалось и без того излишне жестоким, исказилось ещё более жуткой гримасой. Выдвинутая вперёд нижняя челюсть и тяжёлые надбровные дуги, бегающие голубые глаза, горбатый нос, расплюснутый когда-то в драке, под которым росли густые светло-рыжие усы – всё это говорило, что человек он решительный и порой даже резкий. Он был одет в багряную рубаху и длинную кожаную безрукавку, короткие, по колено, штаны и сапоги с отворотами. На голове он носил шляпу, полы которой спереди и сзади были пришиты к тулье – чтобы не мешались обзору и чтобы шляпа не падала, когда Дитрих задирает голову.

В углу пивной «Синий Лев», в этом застоявшемся воздухе, запахе десятков потных тел и гуле пьяных голосов, в дыму чадающих светильников, отбрасывающих на чёрные стены пляшущие рыжие блики, сидела пара молодых солдат, служителей божьего порядка на земле. Пропитанные бычьей кровью балки низкого потолка нависали над ними, а само помещение было заполнено по-немецки стройными рядами прямоугольных столов, за которыми выпивали и поглощали пищу посетители заведения. В разных концах зала уютно трещали каминные, а над каминными висели разнообразные охотничьи трофеи – кабаньи и волчьи головы, оленины рога и шкуры хищников. На вид солдатам, притаившимся в углу, было по два с половиной десятка, они обсуждали насущное и потягивали «раухбир» – «дымное» или «копчёное пиво», которым так славился Бамберг. Особенность этого напитка заключалась в том, что солод для него сушили над тлеющими буковыми поленьями, и потому «раухбир» имел необычный привкус дымка и ни с чем не сравнимый аромат.

– Осенью покрупнее этого будет, – ровным монотонным голосом отвечал Дитриху собеседник Готфрид. – Там-то самая верхушка и соберётся. Я не знаю, зачем, но думаю, чтобы перед зимой людям побольше навредить. Герр Фёрнер говорил, что ему известно, где будет сходка. Но он всё держит в тайне, чтобы ни одна живая душа не узнала – ты же знаешь, какой он предусмотрительный. А если сейчас их спугнём, то осенью они сменят место и всё, не найдёшь. А разве тебе так хочется сегодня в лес выходить?

Чёрные глаза на мрачном лице Готфрида, казалось, были наполнены какой-то тоской. Его взгляд редко поднимался выше линии горизонта, предпочитая оставаться среди людей. Прямой острый нос нависал над тонкими бесчувственными губами, а щёки всегда были тщательно выбриты, но при этом вечно синели от новой щетины, которая росла быстро и неустанно.

Он снял широкополую шляпу с высокой тульёй, которая в представлении потомков станет главным атрибутом любого охотника на ведьм, и положил её на стол, придвинув к себе «зайдлу» – пол-литровую кружку дымного пива. Серая рубаша, тёмно-коричневый кожаный камзол и кожаные штаны, заправленные в сапоги с отворотами – вот была его повседневная одежда, в которой он арестовывал и допрашивал подозреваемых, ходил в лавку или посещал церковь. На плечах его, как плащ у благородного рыцаря из сказки, висела куртка.

На некоторое время воцарилось молчание. Дитрих чавкал, уплетая копчёную колбаску, а Готфрид сидел молча и размышлял, наморщив лоб. Взгляд его бродил по посетителям пивной – людям совершенно разного достатка, которые, в большинстве своём, сидели небольшими компаниями и пили пиво или, если это были гости города, пробовали сухие франконские вина.

– С другой стороны, конечно, хорошо, что ни за кем по лесу не нужно охотиться, – сказал Дитрих. – Оглянуться не успеешь, как тебе самого поймают. Я своим старикам наказал, чтобы окна и двери не открывали никому, да они и сами учёные. А мы тоже лучше пересидим, да ещё и отметим немного. А ты чего мрачный такой? Давай, доедай скорее, а то нас уже ждут. Если опоздаем – палок прикажут всыпать.

– Я сегодня за мясом ходил в лавку, – монотонно начал Готфрид, глядя на колбаску, которую уплетал его друг.

– Угу, – кивнул тот с набитым ртом.

– И там была девушка. Знаешь, такая красивая, что я даже засмотрелся. Хотелось побольше ей полюбоваться, но она ушла, а я так ничего и не смог сказать. Жалко, ведь такая красивая...

– Да все они такие... Красивые вроде, а в душу загляни – сущие ведьмы, – отмахнулся Дитрих, громко жуя. – Если она такая красивая, то ты её скоро встретишь – в Труденхаусе, в камере. Все прелестницы туда попадают, потому что за красоту душу дьяволу продают. А это, как ты знаешь, часто Господом наказывается.

Готфрид только вздохнул.

– Мне, вон, тоже многие нравятся, – продолжал Дитрих. – Но я себя в руках держу, и тебе учиться надо. Тело оно глупо, зато душа сильна. А особенно у слуг божьих. Тем более, сегодня все праведные люди с самого утра по домам сидят, а из красавиц только ведьмы всякие бродят.

– Да мне она не за внешность понравилась, а за что-то другое. Такая слабая, грустная... Так захотелось защитить её. Как будто это и вправду ей требовалось. Знаешь, мне так приятно стало с ней рядом, что я готов был тут же жениться, не взирая на то, кто она и откуда.

Дитрих поморщился, повысил голос и вперился взглядом в глаза друга. Когда он старался кого-то, склонить к своей точке зрения, то казалось, что этот рыжий вояка сейчас впечатает собеседника в пол, и будет прыгать на нём, убеждая в своей правоте. И либо убедит, либо растопчет.

– Глупости всё это, понимаешь? Или колдовство – ещё не ясно, что хуже. Может, ты уверен, что душа твоя к ней лежит, а она с собой сушёные лепестки роз таскает под юбкой или другое зелье. Что тогда тобой овладело, как не колдовство?

– Не знаю, – в очередной раз вздохнул Готфрид. – Я в жизни никого красивее не видел.

– Ну и плюнь ты на эту красоту. Мне тут один священник сказал, мол в Библии написано, что миловидность и красота – это всё обман и суета. Не это главное. Но жена, говорит, которая боится Господа, достойна хвалы. Так что всё это временно, понимаешь?

Готфрид молча отхлебнул пива. Дитрих никогда не понимал его романтических привязанностей, зато любил убеждать его в собственной правоте. Наверное отыгрывался за то, что приходилось исполнять роль подчинённого. Пытался казаться главнее хотя бы самому себе.

– Да понимаю, понимаю – сдался наконец Готфрид. Ему хотелось уйти от этого бессмысленного напора, да и сам в он глубине души хотел поверить, что та девушка, которой он готов

был даром отдать душу, просто самообман или сушёные розы под юбкой. – Давай лучше о войне поговорим. Ничего нового не слышал?

Дитрих сразу расплылся в широкой улыбке. Конечно он слышал, и не применёт показать свои знания. Да и о войне у них получалось говорить лучше, чем о чувствах, потому что настоящие мужчины умеют только воевать и не умеют чувствовать.

– В начале года, – начал он, – шведы захватили остров Рюген. Наверное оттуда они на наши земли нападут. Ещё, поговаривают, что его величество уволили какого-то генерала, который хотел престол захватить, и армию его разогнали. Точнее не знаю, но скандал был не дай Бог!

Но самое главное: говорят, что шведский король боится света. Для него, мол, даже специальный шатёр сделали, в котором всегда темно. А ночами, после битв, он ходит со своими слугами на поля, пьёт кровь мёртвых солдат из большой чёрной чаши и рычит как зверь.

– М-да... – протянул Готфрид, постукивая пальцами по кружке и глядя в сторону. – Проклятые лютеране. Фёрнер говорил что-то о том, что шведы воюют на стороне дьявола, но чтобы такое...

– Во-во, – кивнул Дитрих. – Лютер первый душу продал, а эти все за ним. Святой Михаил, помоги нам выстоять. Давай, Гога, выпьем за нашу победу.

И они снова грохнули кружками.

Приближался вечер, а с ним и время Готфриду и Дитриху заступать на караул в городскую ратушу: так уж вышло, что сегодня они должны были охранять оплот местного самоуправления от любых посягательств. Однако же они особо не грустили: герр Фёрнер, епископский викарий, управлявший делами города, уехал на время по своим викарным заботам, а значит можно было тихо веселиться всю ночь, поставив на стражу молодых солдат.

Друзья, прихватив боценок пива и мешок жареных сосисок, покинули свои места и направились к ратуше, благо она была всего в двух кварталах от пивной. Пройдя по изгибающейся Доминиканерштрассе, свернув затем на Каролиненштрассе, они вышли на Высокий Мост, соединяющий берега одного из рукавов Регница. По легенде, после того, как сгорело старое здание ратуши, местный епископ не хотел отдавать горожанам ни дюйма своей земли под новую постройку. Тогда смыслённые бамбергцы вбили сваи прямо Регниц, на старой границе между Епископской Горой и Городом Горожан, создав там искусственный островок, что разделял поток зеленоватой воды пополам. На островке-то и было возведено нынешнее здание ратуши.

Теперь она возвышалась прямо на середине Высокого Моста: трёхэтажное квадратное строение с разинутой аркой в середине, в которую и входил мост, подобно гигантскому каменному языку. Венчала строение маковка с большим чугунным колоколом, который звонил во время бед или праздников.

Левое крыло ратуши, административный корпус – продолговатое двухэтажное здание в стиле фахверк, с красной односкатной крышей, которую пробивали насквозь красивые оконца в один ряд. В этом здании находились кабинеты всех важных чиновников города, судебные залы, а так же комнаты собраний. Оно опускалось задней частью на Низкий Мост, идущий параллельно Высокому.

Правое же крыло нависало над водами Регница всего в нескольких футах от воды – это был капральский домик, с помещениями для нарушителей спокойствия.

Гулкие шаги друзей по мосту смешались с шумом текущих вод и унеслись с ветром на юг.

– Видел? – закричал Дитрих и указал на небо.

– Нет, – ответил Готфрид, разглядывая подсвеченные закатом облака. – Что там было? Сова?

– Да какая сова?! Ведьма пролетела! Вон там, над крышей ратуши. На восток подалась, стерва!

– Да ладно тебе, – отмахнулся Готфрид.

– Ей богу, говорю, ведьму видел! На метле такая, нос крючком, а на нём бородавка.

– Как ты бородавку-то разглядел?

– Говорю тебе, ведьма была! Ну, не веришь, твоё дело, – сказал Дитрих и обогнал Готфрида, чтобы постучать массивные ворота ратуши.

Услышав невнятное бормотание, он крикнул, чтобы отворяли. Бухнул железный засов и в тяжёлых створках открылась калитка. Тучный сержант Марк Штайнер, в блестящей кирасе, показался в проёме и приветливо замахал Готфриду.

– Приветствую! – бодро пожелал он, пропуская их внутрь.

Он заметил мешок сосисок, весь покрытый пятнами масла и источающий дурманящий аромат, а также бочонок пива, который нёс Готфрид, и глаза его загорелись.

– Кушать будете? А мы как раз в «Синий Лев» собираемся, а то от голода уже брюхо подводит.

– Сейчас там не протолкнуться, – сказал Дитрих. – Праздник завтра, вот все заранее и напиваются. Ты мне скажи, видел ведьму, которая только что пролетела?

Глава 2

ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД

Они приняли пост, сменив на нём дневную стражу. Уставшие за день ландскнехты пожалели им руки, собрали своё добро и направились по домам и пивным – кому как больше нравилось. Ведьмы никто, конечно, не видел, и Дитрих очень огорчился.

Вскоре подошла смена – ландскнехты гарнизона, числом в двадцать человек. Они-то и должны были нести караул под руководством Готфрида. Однако двое из них, друзья Герман Фаульхайм и Отто Кляйн, почему-то задерживались. Хотя, они часто приходили не вовремя.

Готфрид встретил стражников у ворот. Одежда у них была самая пёстрая и вызывающая, потому что кайзер Максимилиан I даровал им освобождение от законов, определяющих внешний вид граждан. «Их жизнь настолько коротка и безрадостна, что великолепная одежда – одно из их немногих удовольствий. Я не собираюсь отбирать его у них» – сказал он. Вся одежда солдат была в стиле «буфы и разрезы» – раздутые рукава, белые чулки, обилие бантов и повязок. Одни носили широкополые шляпы с множеством перьев, другие – открытые бургиньоты, с гребнями сверху.

Самому же Готфриду не нравились их кричащие и вычурные до безвкусицы одежды. Он одевался неброско, чтобы не выделяться в толпе горожан.

Солдаты были вооружены алебардами с лезвиями в форме полумесяцев и закованы в железные кирасы с широкими оплечьями. На поясах носили тяжёлые, по современным меркам, мечи-кошкодёры – шпаги из хорошей стали были дорогаваты.

До закалённых в боях ландскнехтов Священной Римской Империи солдатам бамбергского гарнизона было далековато: эти воины были сносно натренированы в обращении с оружием и могли защитить город, если вдруг к стенам подступит враг, но для серьёзного боя им не хватало опыта и умения.

Готфрид направил каждого на свой этаж, привычно расставив их по давно заученным местам. Двое у ворот, двое у входа в кладовую, несколько человек охраняют кабинеты высоких чиновников, другие приставлены к трапезной, залам собраний и судебным комнатам. Ещё раз обойдя красиво отделанные этажи ратуши, он направился в зал собраний, где уже ждал Дитрих, раскладывая по дорогим тарелкам жирные сосиски и наливая пиво в хрустальные фужеры.

– Отужинаем как господ! – провозгласил он, сбрасывая шляпу на стол и бухаясь в дорогое кресло, украшенное искусной резьбой.

Погружённый в свои думы Готфрид, лишь улыбнулся, и они продолжили прерванную трапезу.

Им нравилось ужинать в расписных залах ратуши, чувствуя себя значимыми и уважаемыми людьми. Особенно это нравилось Дитриху, потому что он всегда жил в пригороде. В ратуше он занимал кресло бургомистра или викария, ревностно следя за тем, чтобы Готфрид не уселся выше по званию.

– Хорошо, что сейчас герр Фёрнер ведёт городские дела! – со счастливым вздохом сказал он. – Который год уже, а я всё нарадоваться не могу. Поприжал он благородных-то, ведьм и еретиков поприжал, простому люду воли дал. Даже жалование нам поднял. Говорят, кабинет старого бургомистра до сих пор пустует.

– Не знаю, – ответил Готфрид, отхлёбывая пива. – Скорее всего, после его казни кабинет занял кто-нибудь другой...

– А его казнили? – удивлённый Дитрих даже поставил пиво на стол и придвинулся поближе. – Я думал, что его герр епископ сняли с поста за то, что противился их воле...

– Нет, – Готфрид покачал головой. – Его пытали и казнили, неужто ты не помнишь? Держали в Труденхаусе, как и всех ведьмаков. Им ещё занимался...

– А его в Труденхаусе держали? – Дитрих снова выпучил глаза. – Это что же, значит, он у нас под носом был, а я так и не узнал?!

Готфрид усмехнулся:

– Куда уж тебе было о нём думать? Ты же его в глаза ни разу и не видел, и разговоров наших о нём не слушал.

– Это ещё почему? – младший ведьмоллов будто бы позабыл часть своей жизни.

Готфрид уже не мог сдерживать улыбку.

– Ты ведь тогда увлечён был какой-то девкой. Даже когда по улице шёл, вечно в нечистоты забредал. А уж что тебе говорили, ты не слышал. Как ветер в печную трубу дул – так слова у тебя в одно ухо влетали, а из другого вылетали.

Дитрих сразу подобрался, лицо его стало ещё более жёстким, а взгляд похолодел, словно вершины восточных гор зимой.

– Да, было такое, – ответил он, тщетно пытаясь изобразить отрешённость и спокойствие. – Она меня околдовала, вот я и думал только о ней. А она оказалась ведьмой. Причём такой гулящей, что Боже упаси.

– Но ведь она была, кажется, целительницей или белой колдуньей?

– Всё одно – ведьма! – отрезал Дитрих, вперившись в глаза друга яростным взглядом. – Я как узнал, сразу и сошло с меня наваждение-то. Понял я, что околдовала она меня.

– А ведь ты даже мне её не показывал, не знакомил. Как её звали? – Улыбнулся Готфрид, ради забавы ещё больше распаляя друга.

– Говорю же, околдовала! – отмахнулся тот, не попавшись на удочку. – Вот и не хотел никому показывать – боялся, что уведут. Хэленой её звали... Ты забудь про неё, расскажи лучше, что с тем бургомистром было?

Готфрид пожал плечами.

– Два года назад поймали этого бургомистра, Иоганна Юниуса. Пятьдесят пять лет ему было. Кажется, кто-то из арестованных сознался, что видел его на шабаше. Сначала, как и полагается, допрашивали его только устно, без пыток: почему-де впал во зло? Почто колдовать стал и с ведьмаками на шабашах плясать? Тот начал отпираться и креститься, что невинен. На очных ставках со свидетелями, которые видели его на шабаше, также не признавался. Затем его начали пытать: тиски для пальцев, страппадо... Видимо, дьяволы не давали ему сознаться. Инквизиторам пришлось снова уговаривать его сознаться, чтобы спасти свою душу. Тут он взял день на размышления и, в конце концов, рассказал всё по порядку.

– И как всё было?

– Да как всегда. За четыре года до этого, после какого-то тяжёлого суда, на который ушло много денег, он решил отдохнуть в своём саду. Там к нему подошла девушка и начала расспрашивать о его печалях и горестях.

Дитрих ухмыльнулся, уже понимая, что это за девушка.

– Он рассказал ей о своих делах, – продолжал Готфрид, – о том, что гложет его, а затем девушка обернулась козлом, который заблеял и сказал: «Ты будешь моим, а иначе я сломаю тебе шею», а ещё потребовал, чтобы тот отрёкся от Всевышнего. По его словам, он воззвал к Господу, и дух исчез. Но через некоторое время девушка вернулась с людьми, и снова потребовала, чтобы он отрёкся от Господа Бога. Не вынеся страха, он, конечно, отрёкся. его нарекли именем злого духа и крестили по своим богомерзким законам. Суккуба снабжала его деньгами и брала на шабашах: к его кровати тогда подходила чёрная собака, он садился на неё, и летел, куда дьявол потащит. На одном из этих шабашей его и заметили друзья, которые тоже были колдунами. Их всех потом арестовали, они сознались в содеянном и донесли на него.

Ещё суккуба заставляла его убить своих детей. Но он устоял, хотя его за это и избивали. Время от времени он совокуплялся с ней, что, как ты знаешь, совсем плохо. А, ещё он отдал суккубе священную облатку. Когда Юниус сознался во всём этом, а также указал на других ведьмаков из городских управителей, его казнили, предварительно простив все грехи...

Готфрид снова отхлебнул пива. Вспомнилось, что после казни Юниуса, епископ назначил викарием Фридриха Фёрнера. Тот начал исполнять обязанности помощника епископа и бургомистра одновременно, занимаясь судами и управляя делами города. Под его управление подпадала и городская стража, занимавшаяся отловом преступников и колдунов.

– Ну ладно, – сказал Дитрих. – Это всё интересно, конечно, но меня вот что больше волнует: в какой день соберётся осенний шабаш? Я так думаю, Гога, что нужно все праздники вспомнить, и вот в самый крупный и самый святой из них всё это и произойдёт. Какие там у нас праздники осенью?

Внезапно раздался учтивый стук. Друзья переглянулись, и Дитрих направился к двери. В проёме показалось виноватое лицо Отто Кляйна – одного из задержавшихся, лентяя и бес-толочи.

– Простите, герр Айзанханг, но Фаульхайм просил вас срочно приехать!

Готфрид недоумённо воззрился на вошедшего, и тот, словно бы пытаясь оправдаться, затараторил ещё быстрее:

– У него тёща... ну, то есть она как-то странно себя ведёт... может быть, она ведьма? Вот он и просит вас приехать и посмотреть...

– Что ты несёшь, дурень? Что значит «странно себя ведёт»? – взъярился оторванный от ужина Дитрих. – Ты хоть понимаешь, какой это бред? Ведьмы либо колдуют и зелья варят, либо нет! «Странно себя ведёт» – что за глупости?

На несчастного Отто было страшно смотреть – он будто съёжился от свалившегося на него негодования. Солдат стоял, вжавшись в дверь и барабанил пальцами по железному шлему, который он держал в руках.

– Такой ужас с ней творится, такой страх... лихорадит, изо рта пена... – бубнил он, вытаращив глаза.

Готфриду было жаль несчастного, ни в чём, по сути, не виноватого вояку, да и хотелось побыть в одиночестве. Он жестом приказал Дитриху замолчать, а затем поднялся.

– Я схожу, Дит, а ты пока тут побудь.

Дитрих друг, оставшийся за столом, чуть не подавился едой:

– Да ты что, Готфрид? Вздумал пост оставлять? А вдруг проверка или ещё что похуже? Да этим мерзавцам верить нельзя! Нету его, значит и пиши, что не был, а ездить к нему...

– Замолчи! – прикрикнул на него Готфрид. – Остаёшься за старшего, пока я не вернусь. Если нагрянет проверка, то так и скажи, что уехал, потому что доложили.

Дитрих насупился, с отвращением бросил сосиску на блюдо и обиженно буркнул:

– Ну как знаешь. Смотри, до темноты возвращайся, сам знаешь, что сегодня творится. Только я бы на твоём месте...

Однако Готфрид уже хлопнул дверью.

Темнело поздно, чувствовалось приближение лета. Оранжевое солнце, ложась брюхом на черепичные крыши, светило Готфриду в спину, когда он выходил из ратуши. Окликнув скучающего у моста извозчика, он сел в карету и направился в восточную часть города, на окраину, где и проживал Герман Фаульхайм.

Кареты наёмных извозчиков – это вообще особая история. Грязные лужи на полу, которые глубиной могут поспорить с Регницем, говорят о том, что десятки катающихся на них людей не особо утруждают себя вытереть ноги. Мутные стёкла в завешенных засаленными занавесками окнах жалобно дребезжат, а изношенные рессоры безбожно трясут кабину, когда колёса едут по мостовой – этакое небольшое землетрясение на одну персону. Его, правда, смяг-

чают набитые войлоком кожаные сиденья, ободранные во многих местах жадными до порчи чужого пассажирами и продавленные, очевидно, ярыми чревоугодниками.

Копыта мерно цокали по булыжным мостовым Бамберга. За окном проплывали фахверковые дома, озарённые розовым отблеском заката. Карета пересекла остров горожан по Хауптвахтштрассе и выехала за восточные ворота к мосту Кеттенбрюке. Улица Кёнигштрассе, что шла вдоль Регница по ту сторону моста, была отгорожена от мира целой стеной стоящих плотно друг к другу домов. На востоке за ними расстилались распаханые по весне поля и сады.

Однако Готфрида занимали совсем не красоты природы. Извозчик свернул на Унтере Кёнигштрассе, а Готфрид ещё глубже погрузился в свои думы. Из головы всё никак не шла та девушка, которую он видел в мясной лавке...

Путь Готфрида пролегал мимо дома старого друга его отца. Поэтому он, на секунду оторвавшись от дум, отодвинул засаленную занавеску и выглянул на улицу.

У входа в дом старого кузнеца Альбрехта Шмидта толпился народ, оживлённо переговариваясь. До Готфрида доносились фразы: «не вовремя», «было бы, с кем», «ох, тяжело будет», «никогда бы не подумал», «это всегда так случается», «покуда Бог миловал», «так ничего и неизвестно?», «оружие хорошее было, да...», «некстати», «Прости, Господи...»

Поодаль стояла пустая телега с плоским широким дном. А вот сама кузница, находившаяся в задней части дома, казалось, умерла. Каждый раз, когда Готфрид пусть и изредка, но всё же проезжал мимо неё, из трубы валил густой дым и на всю улицу разносился весёлый стук молота. Он никогда не заходил к кузнецу, но помнил его с детства, с самого того момента, как отец привёл будущего охотника на ведьм в этот дом огня и дыма. Кузница казалась картиной ада, сошедшей с полотен безумных художников, но Готфриду тут понравилось. Мастер был добрым человеком, часто улыбался и говорил бархатистым низким голосом. Седеющие уже тогда усы сейчас должны были быть белее ангельских крыльев, а мускулистые руки ослабнуть и трястись подобно осиновым ветвям на ветру.

Карета стучала деревянными колёсами по булыжной мостовой, а дом всё ещё был тих. С самого детства Готфрид не заходил сюда, и вот теперь, почему-то встревожившись, он крикнул извозчику, чтобы тот остановился. Но не успел он выйти из кареты, как толпа перед домом кузнеца заволновалась и помаленьку начала втягиваться внутрь. Странно, но он успел заметить несколько иудеев, маленькой кучкой стоявших в стороне.

С другой стороны улицы показались ещё люди, одетые в траурные одежды. Они медленно брели к дому. Одни плакали и причитали, другие же шли молча, понуро опустив головы.

– Эй, – окликнул Готфрид проходившего мимо грузного усатого мужчину. – Что тут произошло? Кого-то хоронят?

Усатый подошёл ближе. Это был Рудольф Путцер, скорняк, жену которого давным-давно казнили. Готфрид ожидал увидеть ненависть в его глазах, но ремесленник только чуть приподнял голову и со вздохом произнёс:

– Кузнеца хоронили, Альбрехта Шмидта. Народ с кладбища возвращается.

– Дочка у него осталась и... а вот и она идёт, – продолжал Путцер, небрежно указывая рукой в сторону одинокой фигуры в чёрном.

Готфрид глянул на неё мельком и застыл – это была та самая девушка, которую он видел днём в мясной лавке. Она плелась в хвосте процессии, понуриив голову и, кажется, даже плача. Он не смел двинуться с места, провожая взглядом златовласую дочь кузнеца. И пока он молча наблюдал за ней, ремесленник коротко попрощался и бросился к дому, очевидно боясь остаться без места за столом или без угощения. А Готфрид всё смотрел, как процессия втянулась в дом славного старого кузнеца, и как девушка вошла последней и закрыла дверь. Он не узнал её имени, а ему так хотелось познакомиться. Однако решимости недоставало. Да и не время было сейчас – он боялся оскорбить её чувства к умершему.

Обругав себя за нерешительность и решив вернуться сюда через несколько дней, якобы с визитом к её отцу, он приказал извозчику ехать дальше.

Дом Фаульхайма находился на Зихенштрассе, всего лишь двумя кварталами дальше. По странному стечению обстоятельств название улицы буквально означало «улица хилых». Готфрид отпустил извозчика, поднялся на высокое крыльцо и постучал. Внутри слышались рыдания и брань, а также приглушённые разговоры ближе к двери. Через какое-то время всё смолкло, и на пороге показался сам Герман Фаульхайм. Вид его был растерянным и напуганным, домашняя одежда испачкана, вся в мокрых пятнах, а жир на животе и подбородке трясся то ли от страха, то ли от возбуждения.

– А, герр Айзанханг, проходите!

Готфрид поправил пояс со шпагой и вошёл внутрь, разглядывая внутреннее убранство дома, в котором ещё ни разу не был. Ему приходилось бывать в этой части города, и он знал, где живёт Герман, но вот внутрь он входил впервые. Жилище было средненькое – закопчённые потолки и стены, еле освещаемые недорогими масляными лампами, небогатая утварь и теснота. Чего ещё ожидать от дома рядового ландскнехта?

Готфрид последовал за Фаульхаймом в одну из комнат. На узкой постели здесь лежала бледная старуха, чьи тонкие, выгнутые в вечном недовольстве губы тряслись и непрерывно двигались, словно произнося зловещие тайные заклинания. Лоб её покрывала испарина, иногда стекая ручейками в закатившиеся глаза.

Рядом с постелью стоял плешивый священник, скорбно взирая на Готфрида и перебирая в руках чётки.

– Вот, – сказал Герман, отходя в дальний угол комнаты. – Вчера ещё хорошо себя чувствовала, а теперь вот лежит и бормочет что-то. Говорит, что боится. Просила, чтобы её инквизиция обследовала...

Готфрид тяжело вздохнул – когда же это кончится?

– Я её исповедовал, – кротко сообщил священник.

– За доктором посылали?

– Посылали, – закивал Герман, – однако же, он сказал, что фрау здорова. Болезнь её, говорит, душевная...

– Я исповедовал её, – повторил священник, – так что душа может быть спокойна...

– А на что она жаловалась? – спросил Готфрид, коротко кивнув святому отцу.

– Ну, – Герман потупился, – говорила, что опасается, как бы ей не стать ведьмой... Просила позвать кого-нибудь, чтобы он мог проверить, есть ли на ней колдовские знаки или другая дьявольщина...

– Понятно, – обречённо кивнул Готфрид. – Вставайте, фрау Фаульхайм. Я пришёл обследовать вас.

Старуха, до этого момента, казалось, лежавшая на смертном одре, вдруг открыла глаза и перестала что-либо шептать.

– Вставайте, вставайте, – повторил Готфрид, снимая шляпу.

Больная, наконец, с трудом поднялась, и села на постели.

– Что случилось? – спросил он, садясь на крепкий стул напротив неё. – Рассказывайте всё в подробностях.

Старуха оглянулась сначала на Германа, а затем на священника, и, наконец, решилась.

– Я вчера возвращалась с рынка. Шла себе по улице, никого не трогала, несла овощи в корзинке. Как вдруг на меня из подворотни какая-то девка зыркнула. Да так зло, что я даже перекрестилась. Ну, думаю, зыркнула и зыркнула – что с того? Однако же, едва я перешла мост, как меня боднул козёл! – старуха выпучила глаза, ожидая реакции Готфрида, однако же тот остался безучастен. – А потом мне соседка сказала, что так из людей ведьм делают... А утром я заболела.

Герман со священником переглянулись, однако он не заметил в этом взгляде и намёка на иронию – только страх и сочувствие.

– Понятно, – промолвил, наконец, Готфрид. – Смею вас заверить, фрау Фаульхайм, что соседка ваша сама не ведаёт, что говорит. Ведьмами не становятся таким образом. Более того, ведьмами становятся только по собственному желанию. Для этого нужно отречься от Господа Бога и продать душу дьяволу. Вы ведь этого не делали?

Старуха медленно покачала головой, переваривая услышанное.

– Вот видите. Ведьмовство – это не чума и не лихорадка, которой можно заразиться. Ведьмовство – это намного страшнее, а потому дьяволу нужно согласие самого человека на обращение его в ведьму.

– Но ведь... Но я же... – начала старуха, глядя то на Германа, то на священника. – Я ведь заболела.

– Ведьмы не болеют, потому что дьявол даёт им защиту от дела рук своих.

– А вдруг на мне остались колдовские знаки? А вдруг я всё же стала ведьмой?

Готфрид лишь развёл руками:

– Убедиться, правда это или нет – моя обязанность, как служителя Господа. Куда вас боднул козёл?

– Пусть эти выйдут, – капризно сказала она.

– Фрау, речь может идти о жизни и смерти, – терпеливо объяснил ей Готфрид.

Старуха глянула на него исподлобья, а затем, кряхтя и переваливаясь, повернулась задом и задрала подол ночного платья. Солдат и священник склонились над ней, однако Готфрид попросил их расступиться и сам принялся за осмотр несчастной. Пытаясь не дышать, он наскоро осмотрел дряблую кожу на зад и спине старухи, задерживаясь на некоторых родинках и пятнах, а затем одёрнул её подол. За время службы в инквизиции он успел обследовать множество подобных старух, которые из-за старческой слабости ума воображали себе всяческие страхи. Дитрих называл подобные процедуры «последним взглядом», явно намекая на то, что старушкам просто хочется немного тепла и внимания молодого и привлекательного мужчины в последние годы своих скучных жизней.

– Ничего страшного, – сказал он. – Нету на вас никаких знаков.

– А как же болезнь? – перебила его старуха.

– А это, – Готфрид склонился над ней, придавая своему голосу злое звучание, – от слабости вашей веры дьявол вами начинает овладевать. Вы что же думаете, что Бог вас покинул, позволив какому-то козлу обратить вас в ведьму? За это и расплачиваетесь. Советую вам три дня усердно молиться, тогда выздоровеете.

Старуха смотрела на него, не мигая, приоткрыв рот от страха и удивления. Едва Готфрид уйдёт, как несчастная начнёт в ужасе вымаливать прощение у Господа за слабость своей веры, а к утру забудет обо всех своих болезнях.

– Фаульхайм, – позвал тем временем Готфрид, надевая шляпу. – Сегодня ночью ты должен быть на службе в ратуше.

– Но... – протянул тот вслед вышедшему из комнаты командиру.

В гостиной Готфрид наткнулся на заплаканную женщину.

– Скажите, что с ней? – вопрошала та, перегородив ему дорогу. – С ней всё в порядке?

– Да в порядке, в порядке! – проворчал из-за его спины Герман. – Говорил же я тебе, дуре, что всё обойдётся. Подождите меня, герр сержант...

На двери висели пучки зверобоя, которые, по поверию, должны были отгонять злых духов. Готфрид открыл её и вышел на улицу, а за ним вывалился Фаульхайм. Плотнo прикрыв дверь, он обратился к командиру:

– А с ней точно всё в порядке? – спросил он, заглядывая начальнику в глаза. – А может быть её в Труденхаус на недельку...

– Тогда и вас вместе с ней, чтобы не вздумали сбежать, если вдруг она и впрямь окажется ведьмой, – холодно ответил Готфрид, которому это начало надоедать. – И допросить каждого из вас с пристрастием. А ещё всплывёт, что на службу ты сегодня опоздал...

Герман отвёл глаза, покосился куда-то в сторону и попытался изобразить довольную улыбку на лице, однако дрожащие губы его подвели.

– Ну, раз она здорова, так и мне пора бы в ратушу... – он ещё раз улыбнулся и скрылся за дверью.

Готфрид, не дожидаясь нерадивого стражника, поймал карету и направился обратно.

Солнце уже село, и теперь бросало розовый отсвет на белые облака, скрывшие горизонт. Впереди был ещё тёплый ужин, дымное пиво и дружеские посиделки всю весеннюю ночь...

Карета доехала до ворот ратуши. Стражник пропустил его внутрь, но едва Готфрид снял шляпу и переступил порог, как навстречу ему выбежал взволнованный Дитрих, размахивая желтоватым бумажным конвертом с красной сургучовой печатью.

– Я же говорил, что что-нибудь случиться может! – приговаривал он, вкладывая письмо в руки друга. – Вот, с гонцом пришло...

Охотник на ведьм вскрыл гербовую печать самого Готфрида Иоганна Георга II Фукс вон Дорнхайма и быстро пробежал глазами текст, написанный ровным почерком.

– Что там? – со смесью страха и любопытства вопрошал Дитрих. Всё же не каждый день сам епископ бамбергский, достаивает письмом солдат, охотников на ведьм. Видимо, случилось что...

– Собирай солдат, – отрывисто приказал Готфрид, пряча послание за пазуху.

Глава 3

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

Тропа уводила прочь от города в лес Хаупсморвальд – лес, окружавший Бамберг. Доспехи ландскнехтов лязгали, а под ногами хрустели мелкие ветки, шуршала трава, и Готфрид поминутно давал воинам знак остановиться, недовольный шумом, который те издавали. В любую минуту по дороге мог пройти кто-нибудь из участников шабаша, и, если он услышит этот громогласный топот и пыхтение воинов Христа, то, конечно же, проскользнёт мимо, чтобы предостеречь ведьм о приближающейся угрозе. А если те разбегутся, то продолжат портить посевы, воровать детей и наводить порчу на людей и скот.

Готфрид не понимал этих несчастных людей. Он не видел смысла в их безумном вредительстве, как ни пытался его разглядеть. Но свой долг во имя Христа – находить и предавать строгому, но справедливому суду еретиков, язычников и колдунов – выполнял самоотверженно и твёрдо, как и учил отец.

Перед ним, жалуясь на холод, брёл тощий и сморщенный майстер Валье – крыса и доносчик, которого пришлось разбудить среди ночи, так как он единственный знал дорогу.

– Хоть бы предупредили заранее... Надеюсь, отблагодарят достойно, – гнусаво бормотал он. – Вот, нам сюда.

– Налево, – мрачно скомандовал Готфрид. Его злили жалобы этого жалкого старикашки, раздражал грохот доспехов и громкий кашель, которыми ландскнехты, очевидно, пользовались как боевым кличем.

Они свернули с тропы, и пошли за майстером Валье, шурша прошлогодними листьями и молодой травой. Полуночные тени резали их путь, оставляя на серой земле чёрные шрамы в форме ветвей, игл и листьев.

– Отблагодарят, как же! – ворчал Дитрих. – Их светлость приедут завтра из своего Геборна, и всыпят нам по первое число. Ладно, если палок прикажут дать, а то ведь и в Труденхаус можно отправиться. Так ведь вальпургиева ночь ещё, в лесу нечисти полно...

Майстер Валье от таких речей явно трусил. Он то и дело испуганно оглядывался на Готфрида, будто надеясь, что он даст приказ возвращаться. Солдаты позади тоже начали недобро перешёптываться и шумно креститься. Нужно было сказать им что-то, чтобы успокоить, но на ум приходила только брань.

– Никто никаких палок не всыплет, – только и выдавил из себя Готфрид, повернувшись к солдатам. Сказал он это до того неуверенно, что ландскнехты остановились.

– Герр Фёрнер же приказывали, чтоб никакой шабаш в эту ночь не трогали, – Дитрих обречённо вздохнул. – Пусть, мол, еретики созреют, осторожность потеряют, тогда мы их осенью возьмём гораздо больше.

– Приказ епископа, говорю же! – сказал Готфрид. – Не посмеет нас Фёрнер наказывать, ещё и наградит. Давайте, вперёд! Нечего стоять.

Но солдаты не двинулись. Они переглядывались, переминались с ноги на ногу и не решались идти дальше.

– Что стали? Сказано же, приказ епископа...

– Так ведь нечисть же, – сказал майстер Валье, и солдаты ответили тихим, нестройным гомоном.

Вот оно что! – подумал Готфрид. Не в приказе дело. Дело в страхе.

– Сегодня черти на крышах в карты играют, – сказал кто-то. – И в лесу, наверное, полно... На него зашикали.

– А оно ведь и правда, – сказал Дитрих. – В святые праздники-то самая нечисть и собирается, чтобы, значит, над Богом насмехаться. Дорого бы я дал, чтобы только из леса этого убраться поскорее.

Словно в подтверждение его слов где-то невдалеке заухала сова. Ещё немного, и воины сначала попятятся, а потом и вовсе бросятся в рассыпную, роняя оружие, спотыкаясь и крича.

Но тут Готфрида нашёл правильные слова.

– Всё это, – произнёс он холодно и медленно, подавляя ярость, – выдумки самих колдунов. Они нарочно распространяют такие слухи, чтобы никто не мешал им устраивать свои бесовские игрища. Чтобы воины Господа не хотели ходить в ночной лес, потому что кому-то из них бабка сказала, мол, по лесам сегодня нечисть рыщет. Мы выполняем приказ герра епископа. Если слушаемся, то ничего хорошего точно не жди. Загремишь в Труденхаус за помощь ведьмам, и вся эта нечисть тебе приветливее любой шлюхи покажется. Не знаете, что ли, какие пытки там бывают?

– Ну, я бы лучше в камере посидел, чем с утопленницей или кровососом столкнуться, – начал было Дитрих, но Готфрид резко обернулся, схватил его за отворот рубахи и озлобленно прошипел: «Тихо!»

Дитрих любил болтать, делиться слухами и легендами. Да и Готфриду нравилось молчаливо слушать его, потягивая раухбир в любимом трактире. Но сейчас было не время и не место. Стражники хотя бы старались не шуметь.

– А что такого? – возмутился тот, повышая голос. – Ты думаешь, нас услышит кто-нибудь? Здесь же глушь...

– А не нарочно ли ты ведьм предупреждаешь? – снова сдержанно прошипел Готфрид и впился подозрительным взглядом в болтуна. – Может быть ты сам колдун, и хочешь своих собратьев по ковену предостеречь?

Дитрих вытаращил на друга удивлённые глаза и тут же прикусил язык, едва почувствовал, словно кожей, тяжёлые взгляды солдат. Шутка шуткой, но вот месяц назад графа поймали, а на той неделе пастор в колдовстве сознался. Так что и его, Дитриха, можно сдать в застенки, где он расскажет дознавателям о том, как пытался предупредить ведьм криками в ночном лесу, и о том, как совокуплялся на шабаше с дьяволом, с непременно целованием козла под хвост, и о пожирании детей...

– Ты что, ты что? – зашептал он, крестясь. – Тебя, никак, бес попутал!

Затем он снял крестик с шеи, трижды поцеловал.

– Молчи и ступай тихо, тогда, быть может, спасём невинных людей от этой дьявольской напасти, – в последний раз шикнул на него Готфрид, а затем повернулся к следовавшим за ними воинам. – За мной, братья! Нечисть – выдумка, а вот на награду наш епископ, думаю, не покусится.

Посулы, вкупе с угрозами пыток, подействовали как и ожидалось. Воины двинулись дальше, пригибаясь, пряча свои лунные тени под деревьями, по тропе, скрытой от посторонних глаз влажными зарослями папоротника.

Шли почти вслепую, рискуя напороться на засаду или же вовсе не найти колдовского сборища. На майстера Валье надежды было мало – он мог и наврать про место, лишь бы нажиться. Всё равно, наверное, догадывался, что ведьм оставят в покое до осени. Однако приказ епископа нарушил все планы. Он был предельно ясен: изловить богохульников и отправить в Труденхаус. И они шли ночным лесом, то и дело останавливаясь, прислушиваясь, и вдыхая влажный воздух, словно гончие псы, брошенные вслед убегающим лисицам.

Они поднялись на небольшой холм, и впереди, на расстоянии около пяти десятков шагов, между сосен замелькал пляшущий огонёк факела. Деревья отбрасывали длинные тени в его трепещущем свете, и два человека в тёмных одеждах шли под факелом, словно защищаясь

им от протянутых кривых ветвей. Наверное, они о чём-то переговаривались, строили свои зловещие планы или богохульничали, но этого не было слышно.

Потревоженные светом, с деревьев вспархивали сонные пичуги и носились в ветвях, ожесточённо колотя крыльями, ничего не разбирая в темноте.

Готфрид приказал воинам пригнуться и как можно тише следовать за двумя путниками. Сначала он не поверил глупости ведьмаков – идти на шабаш с факелом! Но потом вспомнил, что в лесу водятся волки, и эти двое, скорее всего, пытаются отогнать хищников огнём. Так они следовали за спутниками около часа, настороженно и с опаской, боясь спугнуть. Тропа вела всё дальше, спутники успели сменить уже два факела. Вот они прошли между двух высоких камней, словно в адовы врата, на которых отражались блики пылающего за ними костра. Вдруг послышались низкие раскаты барабана, десятки глоток затянули монотонное песнопение, которое на мгновение прерывали дружные хлопки в ладоши.

Место богохульных игрищ представляло собой поляну, в центре которой, как зубы в пасти дьявола, торчали кольцом восемь идолов из песчаника. Почти все в человеческий рост, иные – на голову выше или ниже. Руки некоторых были скрещены на груди, другие складывали их в странных жестах или держались за оружие. Фигуры были выщерблены дождями, солнцем и постоянной влажностью Хаупсморвальда, но на них всё ещё угадывались гротескные черты измождённых и злых лиц. Кривые сосны вокруг идолов тянулись к ночному небу, словно пальцы чернокнижника, сведённые судорогой колдовского экстаза. Увидев это, солдаты начали креститься и бубнить молитвы.

Подобравшись поближе, Дитрих недолго понаблюдал за началом обряда. Он примерно оценил соотношение сил, и вернулся к христовым воинам, на ходу объясняя шёпотом, что еретиков примерно в два раза больше, чем их самих. Поразмыслив немного, друзья решили отправить к каждому просвету между камнями двоих воинов, но западный оставить пустым. Ландскнехты появятся со всех сторон разом, и еретикам ничего не останется, кроме как бежать к единственному выходу, где, притаившись во тьме, их будут ждать остальные пятеро. Идея в основном принадлежала Дитриху – что касалось тактики, то он знал в ней толк. Никогда не обучавшись ей, он словно бы божьим провидением понимал, кого и куда лучше поставить, и как будет действовать противник в этой ситуации. Готфрид лишь поставил себя, как шахматную фигуру, к восточному выходу, предположив, что еретики сильнее испугаются сержанта, чем рядовых стражников.

Окружить колдунов было делом четверти часа, благо ведьмы не слышали громогласного лязга доспехов из-за набирающего силу песнопения, которое казалось Готфриду просто набором случайных звуков и слов. Место для шабаша было самое удачное – не так далеко от города, чтобы родные не успели хватиться ведьм, но в достаточно глухой чаще и вдали от тракта, чтобы случайный путник не мог наткнуться на него. До гор были десятки и десятки миль, поэтому непонятно как идолы оказались здесь: то ли их притащили сами еретики, то ли они оставались тут с незапамятных времён, когда этими землями безраздельно владело язычество и мракобесие. Хотя песчаник часто встречался и в этом болоте, которое носило название Хаупсморвальд.

Между идолов уже валялись всяческие объедки, пустые кувшины из-под вина, а так же обглоданные кости, очень похожие на человеческие...

Очевидно, праздник только начинался – прошло пиршество, во время которого богохульники ели и пили без меры, кичились своими злодействами и коварными планами. Наступал час непристойной пляски нагишом, а потом будет отвратительная оргия, где демоны и люди совокупаются друг с другом без разбору. Вот во время этой-то оргии и следует брать пьяных и беззащитных нечестивцев, а потом вести их в Труденхаус, словно ягнят.

Солдаты притаились за изваяниями, а Готфрид, сняв шляпу, осторожно выглянул. В беспорядке валялись сброшенные в спешке одежды, и в свете костра, заходясь в экстазе от чародейских зелий и богохульных песен, плясали ведьмы, изредка замолкая на миг и хлопая

в ладоши все вместе. Их грязные, спутанные волосы болтались в трепещущем свете костра, а нагие тела, измазанные волшебной мазью, извивались, словно диковинные бледные черви. Обнажённые мужчины и женщины готовились предаться прелюбодеянию, а старики и старухи сидели возле идолов, прижавшись к ним спинами, и били в барабаны и бубны, гудели примитивными волынками.

Готфриду было отвратно смотреть на это, но он думал, что может в любой момент прервать греховное созерцание, поэтому продолжал наблюдать. Женщин здесь было больше чем мужчин, и Готфрид не удивился, ведь как учили его когда-то: «Ведьм намного больше, чем колдунов, потому что женщины обладают лживым языком и рассказывают другим о том, чему они научились. Женщины так же более легковёрны, впечатлительны, склонны к галлюцинациям, чем мужчины, и потому легче поддаются влиянию дьяволов».

В центре площадки, между пятью кострами, символизирующими пентаграмму – символ дьявола – находился большой камень для жертвоприношений. Сейчас он был измазан кровью какой-нибудь домашней птицы или кошек, тёмные и бесформенные тушки которых были свалены прямо под ним. Пляска ведьм окончилась, и все они застыли, глядя в сторону, куда-то за стену обнажённых тел. Но вдруг толпа разразилась радостными криками и к алтарю поднесли обнажённую девушку. Видимо, она была опоена каким-то зельем, потому что мешком висела в руках державших её, и поминутно запрокидывала голову назад, отвратительно смеясь, точно квакая.

Ведьмы положили девушку на алтарь и разошлись. Сейчас Готфрид мог видеть её юное тело во всех деталях: упругие груди и ягодицы, стройные ноги, и манящая тень между них, что слегка напознала на едва подрагивающий плоский живот. Прекрасное лицо, которое обрамляли разметавшиеся и измазанные в крови жертвенного животного золотые волосы, было повернуто к Готфриду, но закатившиеся зелёные глаза не видели его, прячущегося во тьме. Кожа её лоснилась от чародейских мазей, которыми натирались все участники шабаша. И от блеска этого у Готфрида вдруг что-то вспыхнуло в груди. Жар был так силен, что дыхание обычно холодного, и будто бы немного сонного Готфрида перехватило. Сейчас он даже не гадал, что же это будет за действие. Он просто не мог оторвать взгляда от прекрасной девушки, в которой узнал дочь Альбрехта Шмидта. А ведь он так и не узнал её имени.

Он чувствовал себя в долгу перед старым мастером, и, глядя на его дочь, распластанную на алтаре, знал, как этот долг вернуть.

Но вот к ней подошла обнажённая, и оттого ещё более отвратительная рядом с юной красавицей, старуха. С провисшей сморщенной кожей, покрытой пятнами и отвисшим животом. Она начала макать пучок изломанных и мятых трав в кровь на алтаре, и наносить на прекрасное тело непонятные знаки, что-то неразборчиво бормоча, повышая голос и кропя кровью вокруг. Ведьмы позади молчали, с интересом наблюдая за действием. Готфрид, чтобы не терять времени и отвлечься от греховных желаний, перевёл взгляд с девушки на других участников шабаша. Так-та-ак... Вот Рудольф Путцер, скорняк. Вот Каталина Фридман, Якоб Вебер, Дитрих Аальхаут... Тут находились многие именитые горожане, ремесленники, да и просто крестьяне из окрестных селений. Конечно, всех их сегодня поймают, так что можно было бы и не запоминать лица... Но Готфрид никогда бы не дослужился до звания сержанта, если бы думал, что всё всегда будет идти так, как ожидается.

Колдунья бросила свои травы в костёр, и громко произнесла:

– Прииди, Рогатый бог! Прииди к нам! Дай нам плод и жизнь, дай стрелу и щит!

Снова загрохотал барабан. Ведьмы разразились криками и улюлюканьем, обступая алтарь и вновь заходясь в конвульсиях бесовских плясок, повторяя вразнобой эти нелепые слова.

А потом, сквозь просветы между их тел, к жертвеннику вышел некто. Он был высок, тело его скрывал чёрный балахон наподобие тех, что носят монахи, а из чёрной головы торчали два

длинных рога. Он остановился – чёрная фигура посреди белых тел, сложил руки на груди и замер.

Из-за пляшущих ведьм Готфрид не мог точно разобрать, была ли на его лице маска с рогами в три ладони, или они действительно росли из его головы. Дай Бог, чтобы это была лишь личина...

И откуда он вообще появился на окружённом воинами пятачке?

Контракт с Сатаной, – понял Готфрид, – а ведьмы просят у него защиты от праведных рук инквизиции, в обмен на... дочь Шмидта?

В круг вышел массивный Рудольф Путцер. В руках у него был ритуальный кинжал – длинный и толстый, со скруглённой гардой, чем неуловимо напоминал стальной фаллос.

Старухе передали чашу, тяжёлую на вид, наполненную тёмной жидкостью.

Все голоса сразу смолкли, ведьмы остановили свою пляску, пристально наблюдая за ведьмой и скорняком.

– Сегодня бог вступает в зрелость, – сказала она высоким голосом. – Он жаждет богиню.

Готфриду было жалко жертву, а огонь в груди всё жёг и жёг, становясь нестерпимым. Он словно наяву видел, как кинжал впивается в её прекрасную плоть, как густая кровь течёт на жертвенник...

Ведьмы плясали, подвывая, точно вмиг лишившись всех человеческих качеств, нырнув в бездну животных инстинктов. Рогатый медленно приблизился к алтарю, раздвинул ноги своей безвольной жертвы...

Старуха кружилась вокруг камня, выкрикивая:

– Отдаём тебе деву! Пусть навсегда исчезнет эта дева, рекомая...

Нужно было подождать ещё немного, пока не закончится ритуал, пока обнажённые мужчины и женщины не предадутся греху, став в это время беззащитными, но Готфрид не мог смотреть, на это.

– Во имя Христа! – закричал он, вытаскивая шпагу из ножен и появляясь между идолов.

Воины отреагировали мгновенно: с лязгом и грохотом вышли из-за камней, ошетинились алебардами и уверенно начали теснить еретиков, словно скот, к Дитриху с его пятёркой.

Люди в панике, толкая друг друга, крича и визжа, не зная, куда бежать, рвались в разные стороны. Кто-то налетел на закованных в железо воинов, кто-то угодил в горящий костёр...

Готфрид рванулся к алтарю, задыхаясь в отвратительном смраде человеческих тел и колдовских мазей. Еретики разбежались от него, как черти от Христа. Сбивая их на землю эфесом, он прорывался туда, где в последний раз видел дьявола, молясь про себя, чтобы тот не прикасался к девушке. И молитвы его были услышаны: девушка всё также бесчувственно лежала с раздвинутыми ногами, перемазанная, к счастью, лишь в тёмной крови жертвенных животных.

Человек в личине дьявола стоял с другой стороны алтаря, пытаясь найти просвет между телами обезумевших ведьм. Готфрид обогнул камень, но вдруг на него налетела перепуганная женщина, и он упал, едва не ударившись головой об алтарь. Только мелькнула в толпе чёрная спина рогатого.

Шестеро поджидавших у выхода, вышли на свет, заступив перепуганным людям путь. На каменных лицах читалась суровая решимость. На начищенном оружии и металлических пряжках отражался пляшущий свет пяти костров. Впереди всех стоял Дитрих, обнажив шпагу и победно ухмыляясь.

– Именем Святой Инквизиции вы все арестованы за ересь и колдовство!

Люди, бросившиеся к выходу, на мгновение замерли, попяtilись. Всем им было страшно – страшно пытаться прорваться сквозь заслон мечей и алебард. Но ещё страшнее было попадать в руки инквизиции, ведь сзади подходили остальные воины. И вот, не разбирая со страху дороги, крича и визжа, на Дитриха налетела одна из ведьм. Тот, боясь ранить женщину шпа-

гой, оттолкнул её локтём. Взметнулись рыжие кудри, и колдунья, запнувшись, рванулась на свободу, истошно вереща.

– Хватайте её, братья! – запоздало кричал кто-то.

Солдаты попытались схватить ведьму, но руки в кожаных перчатках лишь скользнули по скользкому, как у лягушки, телу.

Дитрих обернулся на мгновение, чтобы посмотреть, что происходит сзади, как на него налетели остальные нечестивцы. Лавина голых тел сбила его с ног и, как ни старались ландскнехты, задержать испуганных ведьм не могли. Мужчины и женщины с обезумевшими глазами неслись на вооружённых людей, словно не разбирающее дороги стадо овец на стаю волков. Солдаты подняли оружие, сквозь панические вопли слышались выстрелы, но ведьмы просто смяли их и разбежались по ночному лесу.

Готфрид, откинув с себя женское тело, бросился за ними. Перед глазами вновь появился человек в рогатой маске. Он бежал одним из последних, но прыти ему было не занимать. Едва выбежав из колдовского круга, он резко бросился влево, в низину с папоротниками, и его чёрная спина растворилась в ночной темноте.

– Будьте вы прокляты, дьявольские прихвостни! – заорал им вслед Дитрих, грозя скрывшимся в лесу людям шпагой. – Бог всё видит, и не скрывается вам от инквизиции, все на костры пойдёте!

Готфрид огляделся: под ногами лежало несколько мёртвых тел. Кто-то напоролся на алебарду или меч, иных затоптали. Воины держали в руках молодую девушку и – кто бы мог подумать! – самого Рудольфа Путцера, скорняка из переулка Токлергассе. Еретики сначала бились в их железной хватке, но вскоре обмякли и только испуганно озирались по сторонам, мелко дрожа.

– Чёртовы язычники, чтоб им в дерьме захлебнуться! – ругался тем временем Дитрих. – Мажутся всякой дрянью, чёрта с два поймашь! Проклятие!

Готфрид приказал связать пойманных, а сам направился к алтарю. Девушка на нём теперь спала, уютно свернувшись калачиком на холодном камне. Костры всё ещё полыхали. Казалось, что переполох длился целую вечность, но вот весело пляшущий огонь говорил об обратном.

Приблизившись к девушке, он взял её на руки и понёс прочь. Тело было скользким, измазанным во всей этой дряни, и Готфрид чуть не уронил её.

– Кто так устраивает облавы? – вопрошал уже остывший, но всё ещё злой Дитрих. – Послали невесть куда, без чёткого плана действий, почти без людей! Теперь эти проклятия господни будут осторожнее! Верно я говорю?

Готфрид с бесчувственной девушкой на руках коротко кивнул, проходя мимо друга. Остальные мычали что-то одобрительное. Они были согласны, но не хватало смелости открыто сетовать на волю их преосвященства епископа Иоганна Георга.

– Только хулу на епископа не возводи, а то мигом в застенки попадёшь, – бросил ему Готфрид, обернувшись. Любой из присутствующих здесь мог донести инквизиции о словах горячего Дитриха, дабы выслужиться или спасти свою шкуру.

– Да я не об их преосвященстве... – замылся тот, а затем, со всей силы пнув труп застреленной женщины, добавил уже спокойнее: – Просто глупо.

– И покойников не оскверняй, всё же люди, хоть и грешные, – попросил Готфрид. – Нужно пригнать подводу, чтобы опознать их завтра и похоронить.

– Сделаем! – шагнул вперёд один из воинов, поклонившись ему, словно благородному. Выслуживается...

– Трое солдат и мастер Валье пойдут с нами, чтобы поскорее доставить еретиков в Труденхаус, а остальные оставайтесь на страже, чтобы ни одна ведьма не вернулась. Тела сложите вот здесь. Всё ясно?

– Так точно.

Готфрид взвалил незнакомку на плечо и направился обратно, в сторону города.

За ним пошёл Дитрих, пробурчав «на всякую пададь ещё время тратить», потом майстер Валье, двое солдат с пленными, и ещё один с факелом, чтобы освещать путь.

С огнём идти было веселее. Не было того ощущения наползающей опасности, таящейся в темноте. Все страхи ночного леса теперь остались снаружи огненного круга, между стволов мачтовых сосен и под пологими папоротников. Они таились там, ожидая, и облизывались, довольно ухмыляясь. И лишь один не испугался огня, остался с Готфридом, заставляя поджилки позорно трястись и судорожно искать выхода. И эта змея терзала бы его сердце всю дорогу до дома, если бы Дитрих снова не стал ворчать:

– Вместо целого шабаша тащим обратно каких-то троих еретиков! – бубнил он, размашисто шагая позади процессии и пиная сучья и мелкие ветки, что попадались ему на пути. – Ещё, небось, их светлость, викарий Фёрнер, нам взбучку устроит, за то что не послушались приказа. Мы-то не виноваты, да всё равно плетей всыплет – чтобы впредь слушались только его...

Готфриду казалось, что из темноты на них смотрели глаза беглых колдунов. Нападения ландскнехты не боялись – эти обыватели только в приступе безумства могут броситься на вооружённого человека. Теперь же они напуганы, но свободны и живы, и поэтому не будут разменивать свои жизни на свободу троих собратьев.

Тропинка вела обратно к городу, оставляя поляну ведьм позади. Нагая девушка на плече, которую Готфрид позабыл одеть хоть во что-нибудь, спала, и когда он шёл, её руки ударялись о его зад.

– Кстати, место они выбрали отличное для шабаша, – заметил Дитрих, оборачиваясь назад. – Эта поляна теперь почти настоящее укрепление. Если бы у них было оружие и они бы нас заметили, то пришлось бы штурмом брать. До утра бы, наверное, не управились.

– Вот почему нельзя орать во всю глотку, когда идём в облаву, – Готфрид не упустил возможности сделать другу наставление, но тот только отмахнулся.

– Но ведь меня не слышали! – как всегда возражал он, повышая голос. – Вечно ты начинаешь нудить, когда всё уже кончилось! «А если бы то, а если бы это...» Но ведь всё время всё получается хорошо. Мы до сих пор живы, так что всё к лучшему.

– Когда-нибудь тебя и подстрелят, когда зазеваешься из-за своих разговоров, – спокойно посулил Готфрид.

– Не подстрелят, – уверенно помотал головой Дитрих, затем немного помолчал, и предложил, – А может мы этих девок того... ну, справим, так сказать, нужду телесную...

Трое солдат, идущих впереди, сразу остановились и повернулись, с надеждой взглянув на Готфрида. Майстер Валье сказал: «Э-э...» и преданно покосился на него, пытаясь понять, нужно доносить на солдат или нет.

Арестованная девушка завизжала и забилась, но воин резко дёрнул её за руку, и она повалилась на тропу, дёргая ногами и крича:

– Нет, пожалуйста, не надо! Ради Христа, пожалейте...

– Ишь, как заходится, – хохотнул Дитрих. – Как с ведьмаками и дьяволами валяться на шабаше, так это она с радостью. А как христовых воинов избавить от нужды, так сразу «пожалейте»! Ещё имя божье всуе поминает! Ух, я тебя!...

– От нужды будешь в кустах избавляться, – бросил Готфрид с отвращением. Не переносил он занятия столь интимным делом на людях.

– Ну можно или нет? – спросил Дитрих громче.

– Давайте, только быстрее, – ответил он и пошёл дальше. – Майстер Валье, останьтесь здесь, вдруг майстер Путцер начнёт бесноваться.

Доносчик с ужасом посмотрел на жирного скорняка и слотнул.

– А ты бы нам девочку-то оставил, – предложил Дитрих.

Готфрид покачал головой, зажигая новый факел от уже горящего.

– Одной обойдёте.

– Ну и ладно. Он, наверное, с ней наедине хочет, – пояснил солдатам его друг. – Может на него лигатуру наложили или на людях просто стыдится... Давайте, братья, держите её...

Глава 4

АЛЬБРЕХТ

Крики ведьмы разносились далеко окрест, иногда смешиваясь с дружным хохотом солдатни, а иногда прерываясь. Но вскоре она перестала кричать, и только похотливый смех говорил о том, что она ещё жива.

Пока ландскнехты во главе с Дитрихом овладевали ведьмой, Готфридом овладевало отчаяние во главе со злостью. Он ругал себя за то, что не предусмотрел такого исхода событий. Да, это именно его вина, потому что никто, кроме него, не может быть виноват. Безвольные и покорные стражники? Дурачок-Дитрих? А под чьим командованием он находится?

Чтобы отвлечься, Готфрид считал шаги. Получалась тысяча. То есть он ушёл от сопровождающих примерно на одну германскую милю, даже не заметив, как смолкли их голоса. Сейчас они, наверное, как раз идут за ним. Бросить бы эту девушку тут, спрятать вон в тех кустах, а остальным сказать, что очнулась и сбежала. Можно даже кожу свою разодрать до крови, чтобы поверили...

И только Готфрид так подумал, как из тех самых кустов послышался шорох. Он мгновенно напрягся. Девушка лежала на правом плече, поэтому, чтобы вытащить шпагу, её нужно было положить на землю. Будь в кустах волк или другой хищник, то он мгновенно бросится на неё, и оружием от него не отмахнёшься. А если там человек, то нужна будет шпага...

Пришлось бросить факел на дорогу, его свет не подпустил бы зверя. Готфрид осторожно снял девушку с плеча, переложил на другое, а затем аккуратно, чтобы не поранить её, достал оружие. Приближаться к кустам совсем не хотелось, поэтому Готфрид начал боком обходить их, как краем глаза увидел нечто бледное.

– Брось её, незнакомец, – послышался монотонный голос.

Готфрид повернул голову. Весь бледный, с заострившимися чертами лица, с глазами, пустыми и неподвижными, в одежде, в которой его погребли, стоял Альбрехт Шмидт.

– Брось её, иначе навлечёшь проклятье на свой род, – холодно повторил он.

Готфрид начал пятиться.

– Майстер Шмидт, вы ведь сработали для моего отца эту шпагу... – выдавил Готфрид.

– Кто ты?

Готфрид чуть было не ответил, но промолчал. Призракам нельзя раскрывать своего имени.

– Майстер Шмидт...

– Оставь мою дочь здесь, а сам уходи, иначе в твоём доме поселится зло.

– Почему они хотели убить её, майстер Шмидт? – спросил Готфрид, и ему показалось, что голос дрожит, как и поджилки. Он отступал под сень деревьев.

– Эта ведьма проклята, – ответил Шмидт. – Оставь её, иначе тебя ждёт смерть.

С этими словами покойный двинулся на него. Медленно, но необратимо, как восход луны, он шёл, вперившись мёртвыми глазами в лицо Готфрида. Тот отступал спиной, выставив шпагу и изо всех сил сдерживаясь, чтобы не побежать.

Шмидт приближался спокойно и медленно. И когда он подошёл почти вплотную, поднял руки с грязными, потрескавшимися ногтями, Готфрид вдруг поскользнулся на круглом сучке и повалился на спину.

Он падал целую вечность, думая лишь о том, как бы не повредить шпагой девушке, как бы не упасть на неё. А едва упав, поднял шпагу, направил её остриём в темноту. Но Шмидта уже не было.

Готфрид до боли в глазах всматривался в темноту, но никого не было.

Кажется, он не поранил дочь мертвеца, но нужно было убедиться. Положив её на землю, Готфрид снял шляпу и принялся осматривать её тело.

Она мирно спала, и от губ её пахло зельем, которым её опоили. Упругая грудь вздымалась от ровного дыхания, а тело было столь тёплым, словно и не провело на ночном холоде несколько часов. Хотя это-то и не удивительно, ведь, мази, которыми мажутся ведьмы, должны давать им не только возможность летать, но и согревать в ночную пору. И помогать выскальзывать из рук охотников на ведьм.

На её теле не было ни порезов, ни переломов. Это радовало.

Слушая, как она мерно дышит, как ровно и сильно бьётся её сердце, Готфрид вновь почувствовал ту волну жара, что окатила его, когда он наблюдал за шабашём. Возбуждение разогнало кровь, и его сердце начало биться так сильно и быстро, что, казалось, грудная клетка проломится от этих бешеных ударов. Он прижался к её телу, обманывая себя, говоря, что хочет только согреть её, замёрзшую на холодном ночном воздухе. Но губы невольно коснулись её шеи, и сердце, заходящееся в невероятном ритме, начало биться ещё быстрее, перегоняя не кровь, но огонь в жилах. Он сильнее прижался к незнакомке, продолжая целовать её шею и плечи. Она издала негромкий томный вздох во сне, и он будто почувствовал её улыбку. Губы Готфрида едва коснулись её губ, как где-то рядом послышалось тихое всхлипывание и голоса:

– Смотри, а ты говорил, лигатуру наложили! – тихо произнёс кто-то.

– На него никакая лигатура не подействует, я уверен! – заговорщицки ответил ему голос Дитриха.

Готфрид поднял глаза и воззрился на стоявших неподалёку солдат. Они вели с собой Путцера и молоденькую ведьму, на белой коже которой даже в темноте были видны чёрные пятна синяков от пальцев охотников. Она тихо всхлипывала, плотно сжав ноги.

– Ты уже всё? Можем идти? – по-дружески ехидно спросил Дитрих.

Готфрид надел шляпу, поднялся на ноги, отряхнул одежду, и мрачно произнёс:

– Я видел призрак Шмидта, пытался бежать, но споткнулся.

Послышавшиеся сзади Дитриха негромкие смешки разозлили его, но друг, вопреки ожиданиям, не стал смеяться.

– Кого?

– Её отца, – Готфрид кивнул на нагое тело на земле, а потом спохватился и сбросил куртку, чтобы, чтобы укрыть, согреть дочь кузнеца.

– А тебе не показалось? – с сомнением спросил Дитрих. – И откуда ты знаешь её отца?

Позади него вновь раздался короткий смешок, и Готфрид бросил туда взгляд полный такой злобы, что всё вдруг смолкло, и даже ведьма перестала всхлипывать.

– Кому там смешно? – прорычал Готфрид озлобленно.

Солдаты разом застыли и сделали каменные лица.

– Нет, это точно был он. Я услышал шорох, бросил факел, а потом начал отступать вот сюда, – Готфрид последовал по своему пути. – Затем запнулся и упал. А призрак исчез. Через минуту и вы подошли.

Дитрих осветил пространство между тремя деревьями, и поднял из травы толстый сук факела с тлеющей на нём промасленной тряпкой. Почесал затылок, сдвинув свою шляпу на лоб.

– Знаешь, когда мы подошли, никого рядом с тобой не было, – сказал он.

Солдаты переглянулись, и один из них, державший ведьму, предложил:

– А может быть, у неё спросим? А ну как она знает, что за колдовство такое?

– Да, небось, знает, – и Дитрих подошёл к ведьме, осветив факелом её заплаканное, испачканное лицо. – Что скажешь, колдунья? Что это за чародейство и зачем наслали его? Хочешь, факелом ткну?

Девушка спрятала глаза и замотала головой, пытаясь отодвинуться и бормоча:

– Не ведаю, я в колдовстве не сведуща, колдовать не умею.

– А ты? – Дитрих чуть не ткнул факелом в лицо Путцеру, но тот промолчал.

– Ничего, на дыбе расскажут, – устало махнул рукой Дитрих. После небольшого веселья с этой фройляйн он словно стал спокойнее и добрее. – Пойдёмте братья из этого места, пока на нас ещё кто-нибудь не напал.

И они пошли вниз по тропе, петляющей между деревьев и серых камней. Дитрих освещал путь, Готфрид нёс на плече спасённую, которую догадался завернуть в свой плащ, а сзади них, тихо переговариваясь, шли солдаты. И в интонациях их разговора, которого Готфрид не мог разобрать, слышалось ехидство и обидные насмешки. Они были уверены, что он решил оприходовать девку в одиночестве, сохранив при этом кажущуюся непорочность. А когда его поймали за развратным делом, то насочинял сказок о колдовстве и призраках, пытаясь выглядеть чище, чем он есть. И ландскнехтам это не понравилось, потому что они понимали, что рядом с ним выглядели просто животными. Им казалось, что он, будучи таким же прелюбодеем, осуждает их, прикрываясь непорочностью и скрывая своё истинное лицо...

* * *

Для Готфрида дьявол растворился в толпе, а затем исчез в чаще. Но в темноте ночного леса человек в чёрном балахоне не скрылся от пристального взгляда пары обворожительных серых глаз. Когда ведьмы рассеялись по лесу, он бросился бежать по одному ему ведомому пути, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Погони не было, а потому вскоре он начал пробираться осторожно, стараясь издавать как можно меньше шума. Двигаясь на север, к тракту, он не заметил, что за ним следовала одна из участниц шабаша.

Хэлена, как и все в эту ночь, была нагая, без единого лоскута одежды на теле. Но в то время, как другими ведьмами овладел ужас и паника, её вдруг захлестнуло любопытство. Она не раз бывала на подобных сборищах, не раз участвовала в ведьмовских оргиях, но впервые в жизни ей повстречался сам Рогатый. Не то убогое подобие, которое изображал обычно верховный жрец. Нет, в этот раз под маской скрывался сам бог. Цернунн. Она как будто чувствовала всем своим естеством этот острый взгляд, эту силу, что тёмными волнами пульсировала, исходя от Него, призывая идти за Ним.

И Хэлена пошла. Она долго преследовала таинственного незнакомца, запыхавшись и исколов босые ноги хвоей, но не потеряла его чёрное тело из виду, хотя оно и сливалось с ночью. И вот Рогатый был перед ней в каком-то десятке шагов. Он осторожно крался, с силой раздвигая руками ветви кустарников. Ведьма кралась за ним с не меньшей опаской, прячась за деревьями.

Её полная грудь ещё вздымалась после бега, а внутри вдруг родилась озорная мысль – настигнуть самого Цернунна в этом лесу, до краёв наполненном вальпургиевой ночью, и отдаться ему с такой страстью, какой ни один смертный не заслуживает. Ей захотелось, чтобы он взял её своими сильными руками и... От этой мысли у неё потеплело внизу живота, а сердце стало биться быстрее и громче, и Хэлена испугалась, что Рогатый бог может услышать его.

В том, что перед ней именно Он, колдунья не сомневалась: во-первых, Мать не станет заключать сделки с простыми смертными, коль скоро они не облечены почти божественным (или дьявольским) могуществом. Во-вторых, такую жертву не каждый день приносят. И, наконец, третье, и самое главное: та сила, та властность, которую излучал этот человек, не могла принадлежать простому смертному.

Хэлена вновь представила глаза незнакомца, его движения, стать, и подумала, что даже простой смертный, обладай он таким же взглядом и жестами, был бы очень пылок как в любви, так и в жизни. И это не один из тех мелких духов, которые озоруют на земле. Нет, это был сам Рогатый – неистовый бог охоты и плодородия, бог силы и магии, олицетворение мужского начала в природе. По крайней мере, Хэлене хотелось в это верить.

Но почему он убегает? Бережёт человеческое тело? Не хочет до поры, расставаться со столь ценной оболочкой? Может быть, у него ещё остались какие-то дела? Хэлена слышала, что духи могут вселяться тела людей, чтобы испытывать наслаждения и радости, каких не бывает в их бесплотном мире... И она так захотела доставить самому ЦERNунну столь земное и одновременно райское удовольствие, за которое Библия прочит муки ада, что в горле у неё пересохло.

Но пока Хэлена придавалась думам и сладким грёзам, Рогатый, всё это время сидевший в зарослях, вдруг вскочил и резко бросился дальше, перепрыгивая через сухие ветви, чтобы не издавать шума. Ведьма сначала даже решила, что он заметил погоню, но поняв, что солдаты отсюда далеко, она поспешила за убегающим незнакомцем. Его тело мелькнуло между деревьями, скрывшись из виду, хрустнула пара ветвей, и всё затихло. Хэлена немного переждала, боясь попасться ему на глаза, а потом медленно и осторожно начала пробираться вперёд.

Она долго бродила в ночи, пытаясь найти его следы, или увидеть его в темноте, но Рогатый как сквозь землю провалился.

Тщетно осмотрев всё вокруг, она с досадой вдохнула пряный ночной воздух и направилась в сторону Бамберга, уже зная, что и у кого спросить, чтобы ухватиться за нить и начать поиски той сущности, о встрече с которой мечтала всю жизнь.

* * *

Ближе к рассвету, когда заря показала первые золотистые лучи позади солдат, они вошли в Бамберг. По пустым улочкам, выплывая из утреннего тумана как призраки и слушая гулкое эхо своих шагов, прохаживалась ночная стража, зевая и ёжась от холода. Дважды спутников останавливали, и Готфриду приходилось показывать грамоту викарного епископа Фридриха Фёрнера. Тогда стражи будто бы просыпались – вздрагивали, пятились, извиняясь, и давали дорогу воинам инквизиции, охотникам за еретиками и богохульниками.

За несколько кварталов до Труденхауса спутники остановились.

– Идите дальше, передадите арестованных начальнику тюрьмы, – сказал Готфрид, пристально глядя в глаза солдатам. – Но об этой девушке ни слова! Расскажите писарю, как я отправил вас в город с двумя арестованными, а сами пошли за подводой. Но её, – он кивнул на спящую, – не было!

Достав из кармана талер, он протянул его застывшим в сомнениях стражникам. Майстер Валье очнулся первым и взял деньги.

– Вот вам майстер Валье, выпьете с солдатами за наше здоровье. Дитрих, дай им ещё талер. Ты мне был должен, помнишь?

Тот перевёл на друга удивлённый взгляд.

– Ты что, ты что, Гога? Куда ты эту девку собрался тащить?

– Просто отдай ему это серебро! – с нажимом повторил Готфрид, сверля друга тяжёлым взглядом.

Дитриху ничего не оставалось, как недовольно вздохнуть и отдать монету солдату.

– В общем, о ней молчите. Сейчас пойдёте к майстеру Вагнеру, у него есть подводка, и вернётесь в лес. Нужно собрать тела, чтобы опознать и похоронить по-человечески. Мы с Дитрихом вернёмся в ратушу, чтобы дожидаться смены караула.

Я зайду завтра, – он немного помолчал и добавил. – Просто, понимаете, перед этой девушкой я в неоплатном долгу, поэтому и хочу спасти её на первый раз. Я уверен, что она не ведьма.

– Хорошо, – кивнул один из солдат, прикидывая, как можно разгуляться на серебро сержанта. – Сделаем, как прикажете. А уж ведьма или нет – не нам ведь решать.

И они ушли по вымощенной камнем улочке, оставив Дитриха и Готфрида одних на перекрёстке.

– Ну и зачем тебе эта ведьма? – начал Дитрих. – Поимел и в Труденхаус сдал, чего морочиться? Что за блажь на тебя нашла? Какой долг, что ты им там наврал?

– Она не ведьма. Понимаешь, это та самая девушка, которую я вчера видел. Она дочь мастера Альбрехта Шмидта, который сделал когда-то мою шпагу. Я думаю, что её похитили, и хотели с её помощью заключить союз с дьяволом... Я ещё не всё понимаю. Просто мне нужно выспаться.

И Готфрид повернул к дому. Дитрих шёл за ним, сначала молча, а затем снова начал ворчать:

– Тебя, ослушника, на костре сожгут вместе с твоей ведьмой. Сейчас кто-нибудь из солдат донесёт, и всё – гореть тебе огнём. Ну, сделал тебе мастер шпагу, ну и что с того? Свою жизнь теперь из-за этого отдавать? Девка-то не мастер, так что...

Так они дошли до шестнадцатого дома на улице Геллерштрассе. Он соединялся с соседними домами, так что все вместе они образовывали подобие стены с редкими просветами узких переулков – такова была архитектура города. Дом был небольшим, двухэтажным, построенным в стиле фахверк. Маленький, среди трёх-четырёхэтажных собратьев, зато весь свой. Окна, по три с каждой стороны, рамы которых когда-то были побелены, а теперь покрыты облупившейся краской, были затворены деревянными ставнями, потемневшими от времени. Этот дом достался ему в наследство от отца, и был, несмотря на свои малые размеры, велик для одинокого Готфрида.

Из-за угла выбежала серая собака и приветливо завиляла хвостом.

– Извини, Мартин, но у меня сегодня ничего нет, – ответил он на молчаливый вопрос животного. – Дитрих, возьми ключ у меня в кармане...

Пёс поднял уши, но не ушёл, а продолжил озадаченно смотреть на голые ноги девушки, которые торчали из-под куртки, в которую она была завернута. Как гусеница, которая готова стать бабочкой.

Усталый и измотанный Готфрид чуть не уронил её на низкое каменное крыльцо, пока Дитрих доставал ключ и открывал жилище. Когда они вошли внутрь, Готфрид положили девушку на постель. Дитрих задвинул засов и начал растапливать очаг.

Внутри было довольно уютно – деревянная мебель, большой, в половину северной стены, очаг, выложенный из необтёсанного серого камня с кованой чугунной решёткой, чтобы удерживать дрова и угли внутри. На очажной полке, закопчённой дочерна, была свалена деревянная и оловянная посуда, давно не мытая и потемневшая от времени. Перед очагом стояло кресло и широкий трапезный стол, на котором тоже стояла грязная посуда и два бронзовых подсвечника. Угол возле очага занимала широкая деревянная бадья – для умывания, мытья посуды и на случай пожара. Окна были закрыты почерневшими от грязи занавесками, и притянуты к потолку толстыми канатами паутины, в которую уже давно никто не попадался.

Над постелью для гостей, куда друзья положили девушку, висела голова горного козла – трофей отца Готфрида, вылинявший и пыльный, а вдоль противоположной стены стояли в ряд три сундука с одеждой и прочим барахлом.

Второй этаж, на который вела крепкая деревянная лестница, был просторнее – здесь стояла постель хозяина, пара сундуков и стол с письменными принадлежностями, мутные окна цедили первые рассветные лучи.

Однако же в доме царило запустение – отвыкший от внимания вечно занятого хозяина, он медленно старился, иногда вздыхая чёрным дымом из трубы или скрипя лестницей и дверями. И каждый прохожий видел, что дом хоть и обитаем, но давно заброшен.

– Нас с тобой обоих на костёр отправят, как только узнают, что ты с ведьмой связался, – продолжал ворчать Дитрих, высекая искры на стружку и мелкие лучины.

Готфрид зевнул и устало ответил:

– Я хочу спать. Давай завтра поговорим.

Затем он повесил шляпу на рог торчащей из стены головы, укрыл девушку одеялом, снял ботфорты и завалился на постель рядом с ней прямо в одежде, даже забыв помолиться. Хотя сейчас это пришлось бы как нельзя кстати.

– Слава Богу, что не разделся, а то бы ещё застучали за прелюбодеянием тебя, – буркнул Дитрих засыпающему другу, подкладывая большие поленья в начинающий разгораться очаг.

– Надо бы караул сдать, – сказал Готфрид. – А то получится, что пост оставили...

– Сейчас пойду, – вздохнул Дитрих. Но потом вернусь, так что ты тут давай поскорее, если что, – он с улыбкой оглянулся, но его намёк пропал втуне – кажется, Готфрид уже спал.

Через некоторое время Дитрих взял запасной ключ с крючка на очаге, надел шляпу и, стараясь особо не шуметь, ушёл в ночь.

Готфрид слушал, как он с тихим стуком ступает по деревянному полу, как закрывает дверь и поворачивает ключ в замке. И в душе его сейчас ворочалось сомнение и... страх? Кто-то мерзкий и скользкий, как майстер Валье, как натёртая колдовской мазью старуха, говорил ему своим гнусавым голоском, что, не отправив незнакомку напрямиком в Труденхаус, он, Готфрид, руководствовался далеко не чувством долга, не жаждой справедливости. И что всё это – ложь, слабость. Так хочется быть холоднее и циничнее, чтобы не сомневаться, чтобы не мучиться совестью... Ведьма ли она? Возможно, но разве будет ведьма строить глазки охотнику на ведьм, когда они от слуг христовых как от огня разбегаются? Да разве может ведьма родиться в семье столь честного и искреннего католика, каким был Альбрехт Шмидт? И какой ненавистью ко всему божественному нужно обладать, чтобы в первую же ночь после похорон отца отправиться на шабаш для грешных игрищ и колдовства? Разве может столь чистое и красивое существо быть так глубоко порочно? Конечно же, нет.

Куда больше верится в то, что девушку притащили на шабаш силой, пытаясь принести своеобразную жертву. Почему именно её? А потому, герр Фёрнер, что родилась она в семье честного и искреннего католика. Потому, герр Фёрнер, что осталась она сиротой и её никто не хватится. Потому, что опоили её, околдовали.

Размышляя об этом, Готфрид с удовольствием вдыхал пряный аромат трав, исходивший от девушки рядом. Она мерно дышала, укрытая тёплым одеялом, и он дышал вместе с ней. В очаге, словно в предостережение, гудело и бесновалось алое пламя...

Но, если она всё же ведьма, разве это не значит, что она должна будет сбежать, опасаясь за свою жизнь, как только проснётся? Разве это не значит, что она должна будет вернуться в ковен и закончить ритуал?

Готфрид вновь вдохнул её запах. Как было бы легко отдать её Фёрнеру... если бы это было так легко. Нет, пусть спит. А завтра, когда она проснётся, надо будет обязательно поговорить.

Ночью пришёл Дитрих, прокрался наверх и, как всегда, наверх, завалился на постель Готфрида в одежде и сапогах.

Потом взошло солнце, разбудив жителей Бамберга. Начиналась среда – самая середина недели, и город постепенно наполнялся людским гулом, топотом ног. Хлопали ставни соседних домов, и слышался плеск и мокрые шлепки помоев, которые чистоплотные горожанки выбрасывали из окон прямо на мостовые. Тут и там раздавались звонкие голоса соседок, желающих друг другу доброго утра или делящихся последними сплетнями. Часто, живущие в противоположных домах женщины, выглядывали в окна и передавали последние новости подругам

через проходящую внизу улицу. Голоса их были высокими и звонкими, и говорили они с такой гаммой чувств и интонаций, какой позавидовал бы любой актёр или проповедник. И, конечно же, разносимые ими сплетни становились достоянием широкой публики: выпав из окна, они цеплялись за уши проходящих внизу горожан, и плодились по всему городу, перевираемые каждым новым рассказчиком.

– Вчера-то, говорят, облаву на ведьм устроили, да не поймали никого! – слышал Готфрид и, переворачиваясь на другой бок, вяло думал: "Поймать бы вас, да выведать на дыбе, откуда вы это успели узнать..."

– О, смилуйся, Господи! Да неужто эти еретики снова посева будут портить? У меня с утра ребёнок захворал, кашляет и слизью исходит. Может, колдовство какое?

– А где он вчера был?

– На речке купался, с Клаусом и другими мальчишками...

– Зачем ты его отпустила, дурёха? То опасно! Ведьмы, поговаривают, в праздник святой Вальбурги речки отравляют мазями или порошками колдовскими! Ты своди сына к священнику, расскажи, как всё было, да гостинцев святому отцу дать не забудь! Пусть трижды молитву над ребёнком читает, может быть исцелит...

Потом улицу начали наполнять рабочие звуки и запахи: аромат свежего хлеба из булочной неподалёку, который почти перебивал вонь помоев на улицах. Послышался мучительный в такую рань стук молотка – сосед, майстер Браун, чинил крышу.

Готфрид, недовольно замычав, попытался спрятать голову под соломенную подушку, но сон уже не хотел возвращаться. Захотелось скинуть одежду и залезть под нагретое за ночь одеяло, но, вспомнив, что рядом с ним лежит обнажённая фройляйн, он понял, что если разделется, то точно не уснёт. Поэтому он отвернулся от неё и закрыл глаза, слушая рваный ритм ударов молотка.

Ему всё-таки удалось уснуть. И он бы проспал так до вечера, но уже в полдень в дверь требовательно постучали, и Готфрид, сонный и опухший, вскочил с постели. Встряхнув головой, он накрыл дочку Шмидта одеялом, чтобы не бросалось в глаза обнажённое тело, если вдруг придут солдаты. А друзей, которые могли просто так прийти к нему в гости, у Готфрида почти не было...

Он осторожно выглянул из-за грязной занавески: на пороге, в серой рубахе и штанах, которые должны были доходить взрослому человеку до колен, но у него свисали почти до земли, переминаясь с ноги на ногу и глядя вверх, стоял мальчик. Это был молодой служка, который которого часто отправляли с сообщениями тому или иному человеку. Звали его, кажется, Михаэлем...

Готфрид приоткрыл дверь, загородив собой весь просвет, чтобы мальчишка ничего не увидел.

– Их преосвященство викарный епископ бамбергский Фридрих Фёрнер вызывает вас к себе, – выпалил посыльный, комкая в руках полы своей засаленной серой рубахи.

– Как настроение у преосвященства? – нарочито спокойно спросил Готфрид.

Мальчишка огляделся, а потом поведал заговорщицким шёпотом:

– Злы очень. Сердиться изволят...

– Понятно. Беги дальше, – кивнул Готфрид и захлопнул дверь. Мальчишка на пороге облегчённо вздохнул и исчез за углом.

– Готфрид на секунду задумался, но его оцепенение прервал скрип лестницы.

– Герр Фёрнер по твою душу посылал? – спросил Дитрих мрачно.

– Не отпевай раньше времени, – так же мрачно отозвался Готфрид и начал натягивать белые чулки, дань моде, которые он носил в городе.

Гостья девушка всё ещё спала, сладко и томно вздыхая. Господи, пожалуйста сбеги! Открой окно и исчезни навсегда!...

– Я с тобой пойду – всё же мы вчера вместе были, – бросил друг и пошёл наверх, за одеждой.

Глава 5

ДВЕ КЛЯТВЫ

Утро было солнечным, но вот к полудню небо заволокло тучами. Тяжёлые и серые, они висели над улицами, медленно проплывали над черепичными крышами и тусклыми крестами церквей. Зябкий ветер изредка поднимал с мостовой пыль и мелкий мусор. Готфрид кутался в куртку, пропахшую ароматом колдовской мази, и старался идти быстрее, чтобы не мёрзнуть. Мысли его сейчас занимал Фёрнер. Неужто викарий всё же узнал что-то про дочку Шмидта? Или он всего лишь хочет дать подчинённым новые поручения? Нет, ещё рано – палачи ещё не успели ничего узнать от двоих заключённых. Или дело всё-таки в девушке? Он слишком хорошо представлял себе, что может сделать герр Фёрнер. И только холодный ветерок не давал Готфриду углубиться в эти тяжкие терзания.

– Брось ты к чертям собачьим эту ведьму! – не унимался тем временем Дитрих. И Готфрид знал, что он не уймётся, пока не добьётся своего. – Она тебя околдовала, вот ты и влюбился без ума. Она даже не красивая ни капли: тощая как палка и рыжая, как адское пламя! Да ещё ворожит, поди, бесов в дом вызовет! Ну и пусть бы её там в жертву принесли, тебе-то что? Мало девок в Труденхаусе сидит? Тюремщик вино по-прежнему любит, так что не понимаю я тебя, Гога...

– Ты ведь тоже рыжий, – заметил Готфрид.

– Да, но у меня красивая, благородная рыжина! – возразил Дитрих. – А у ведьм она такая... ну, как у этой твоей. Я как посмотрел, сразу понял – ведьма!

– Её же хотели убить. Ну какая она ведьма? – сказал Готфрид.

– А может её не убить хотели?

– А что? Ты видел нож и чашу? Думаешь, собирались устроить ритуальную дефлорацию? У Дитриха аж глаза загорелись от злого восторга.

– Ритуальную – что? – спросил он, еле сдерживая возбуждение. От улыбки его, казалось, сейчас треснет лицо.

– Дефлорацию. Это лишение девственности так называется. По-латыни.

– О, дьявол! – Дитрих расхохотался на всю улицу. – Ритуальная дефлорация! Ты где такое слово вычитал?

– От Фёрнера слышал, да в какой-то книге, кажется, упоминалось...

– Ритуальная дефлорация, – повторил Дитрих, пробуя слова на вкус. – То есть теперь ты ей устроишь ритуальную дефлорацию?

– Нет, – холодно ответил Готфрид.

– А почему нет?

Готфрид слушал молча, быстро шагая по каменным мостовым жемчужины Франконии. А Дитрих продолжал увещевать друга:

– Как пить дать, дьявольщиной дом заразит! Появятся у тебя там призраки и упыри, будут кровь пить из тебя ночами. Ты чахнуть будешь, а она молодеть! Такое часто бывает, мне бабка в детстве рассказывала! Ты и так уже бледный, как мрамор. Бросай её, сдай герру Фёрнеру или просто в лес отпусти, а то сгубит она тебя, ей богу сгубит!

На дорогу перед ними, кружась и танцуя, упал летучий листок, каких множество валялось по городу. Оттиск, сделанный с помощью клише, изображал пламя костра, в котором корчилась нагая женщина. Лицо её, искривлённое в гротескной агонии, выглядело скорее нелепо, чем устрашающе, и всё же гравюра давала понять, какая кара постигнет всех тех, кто зани-

мается колдовством или погряз в иной ереси. Внизу же красовалась надпись: «Всем жёнам и девам в предостережение и назидание».

– Вот! – мгновенно вскричал Дитрих, указывая на листок. – Это божье предостережение! Готфрид наступил на бумагу и молча пошёл дальше.

– Тьфу, Господи помилуй! – Дитрих плюнул на гравюру и последовал за ним.

– Мы же приказ нарушили, – сказал Готфрид, чтобы перевести тему.

– Да, чувствую, нам сейчас достанется.

– Мне особенно – я ведь в Ратушу так и не вернулся, не я караул сдавал, не я арестованных в Труденхаус доставил...

– Да плюнь на это! – отмахнулся Дитрих. – Кто узнает-то? Я скажу, что мы вместе были. Стражникам тоже правду говорить не выгодно: Приняли пост не у сержанта, а у меня! Думаешь кто-то признается? Скажет: «Простите, герр Фёрнер, я хотел спать, потому и принял службу у кого попало»!

Навстречу им попался грешник в чугунной маске. Личина напоминала ту, в которой ночью видели дьявола. Это было наказание за грехи – несколько дней носить тяжёлую чугунную харю на голове.

– Это точно знак, – сказал Дитрих, провожая грешника взглядом.

Опасаясь дождя, друзья поспешили в ратушу, оставив позади грязные улицы, с которых торопился убраться народ. Дважды с неба начинало капать, и дважды переставало, так и не набрав какой-нибудь значительной силы.

Викарий был свободен – перед его кабинетом не было ни одного посетителя, а потому, оставив Дитриха за дверью, Готфрид вошёл внутрь.

Фридрих Фёрнер был высоким и тощим человеком. Он мерно вышагивал по комнате, опустив глаза и о чём-то задумавшись. Высокий умный лоб его подчёркивали тонкие тёмные брови. Длинный и тонкий прямой нос нависал над небольшим скромным ртом. Также он носил усы, кончики которых были немного вздёрнуты вверх, и густую квадратную бородку, длиной в палец, форму которой усердно старался сохранить. Голова его облысела от старости, и лишь по бокам росли кудрявые, седеющие волосы, доходившие викарию до плеч. Несмотря на это, внешне Фёрнер совсем не выглядел на свои пятьдесят. У него были живые, подвижные глаза, а с губ не сходила по-отечески тёплая улыбка.

У викария был просторный кабинет, в центре которого стоял прочный стол из морёного дуба. На тёмной поверхности его лежали разные деловые бумаги и ящичек с письменными принадлежностями. В стене справа был выложен камин, где сейчас догорал сухой хворост – очевидно викарий замёрз утром. В углу кабинета, за отдельным столом, сидел муниципальный секретарь, почёсывая кончиком гусяного пера свою потную плешь.

– Готфрид Айзанханг прибыл, – отчеканил Готфрид и замер у двери, пытаясь понять, что же будет дальше.

Секретарь сразу спрятал глаза и начал что-то писать. Фёрнер остановился около окна и поглядел наружу. Готфрид ждал.

Наконец викарий промолвил:

– Итак, Айзанханг, извольте объясниться, почему вы самовольно оставили вверенный вам пост? Почему по возвращении я обнаруживаю у городских ворот подводу, полную трупов?

– От их преосвященства герра фон Дорнхайма пришло послание, в котором был приказ сорвать шабаш и привести еретиков на суд, – это говорил не человек, но раб, которому было приказано. Невинная жертва обстоятельств. Как приятно, когда ты ни за что не в ответе.

Готфрид достал из-за пазухи означенное письмо и положил на стол викарию. Фёрнер с интересом углубился в чтение, задумчиво поглаживая бородку. Гладил он её особым образом, кладя ладонь снаружи, а изнутри прижимая большим пальцем. От этого его борода становилась прямой и ровной, и всегда блестела от жира, попадавшего на неё с рук.

Викарий молча прочитал письмо и поднял глаза на Готфрида, пристально вглядываясь в его лицо.

– Действительно, – вымолвил наконец он, – приказы его преосвященства следует ставить выше моих, а посему хвалю за решительность. Жаль, безусловно, что мы раньше времени показали, однако же пути Господни неисповедимы.

Готфрид облегчённо вздохнул.

– Так что там произошло? – будничным тоном поинтересовался викарий, усаживаясь за стол и давая секретарю в углу знак начинать запись.

– Шабаш состоялся где и предполагалось. На охране ратуши я оставил нескольких стражников, а с остальными отправился на арест. По совету Дитриха Байера мы окружили место сходимки, а затем напали разом на всех ведьм. Мы не думали, что они так бросятся на нас... Им удалось прорваться, потому что они были смазаны жиром. Мы стреляли в них, однако многим удалось бежать. Поймали мы только одного мужчину и молодую девушку... – Готфрид запнулся, вспомнив о дочери кузнеца. – И эти двое теперь находятся в Труденхаусе, я отправлял туда Дитриха, а сам пошёл принимать утреннюю стражу в ратуше.

Фёрнер задумчиво покивал, а затем снова погладил бородку.

– Значит всего двое? – протянул он, подняв глаза на Готфрида.

Тот нервно кивнул и в душе его зашевелился страх. Он всё знает! Но откуда? Неужто эти тупые стражники всё ему разболтали? От епископского викария не приходилось ждать сострадания, а тем более сочувствия в любовных делах...

– Известная личность сообщила мне, – промолвил наконец Фёрнер, – что стражу в ратуше принял также Байер.

Готфрид судорожно сглотнул.

– А так же то, что вам посчастливилось арестовали ещё одну пленницу...

Теперь он внутренне напрягся и дрожащим голосом произнёс:

– Простите, герр Фёрнер! Не имел в мыслях вас обманывать... видит Бог, я... я спас эту девушку...

– А теперь расскажи, Готфрид, что в действительности там произошло, – попросил викарий елейным, не сулящим ничего хорошего, голосом.

– Ну, – замылся он, пойманный на лжи. – Эти колдуньи хотели отдать её в жертву дьяволу! Они уже готовились это сделать, как я не выдержал и дал приказ атаковать. Девушку я спас и унёс с собой – она была без сознания. Понимаете, она дочь кузнеца, который выковал моему отцу эту шпагу... Я просто не мог смотреть спокойно...

– Твоя знаменитая проклятая шпага, – кивнул Фёрнер, а затем встал и мерным шагом направился к окну. – Выходит, если бы ты подождал немного, то ведьмы предались бы греховному совокуплению, и сейчас их в Труденхаусе находилось бы гораздо больше... Да ещё этот... дьявол... Как он выглядел?

– Высокий, чёрный... с рогами... хотя, это могла быть и маска... лицо ещё такое, чёрное...

– А детородный орган велик ли был? – озабоченно поинтересовался Фёрнер.

– Он был в рясе, наподобие монашеской, – слегка растерялся Готфрид, вспомнив, что ведьмы на признаниях в своих сношениях с дьяволом часто замечают, что член его массивен и холоден как лёд.

– Итак, получается по твоей вине еретики разбежались?

– Я готов искупить свою вину, если только это возможно, – виновато отчеканил Готфрид, чувствуя холодок в животе. – Я запомнил некоторых из них, так что смогу указать...

– Это похвально, – кивнул Фёрнер, вновь глядя в окно. – Я сам займусь этим делом. А ты, во-первых, вспомни всех, кого видел на шабаше и продиктуй их имена. Во-вторых, сейчас у нас очень мало палачей, посему будешь вести часть дознаний и отчитываться передо мной. Вме-

сто арестов будешь заниматься пытками. Возьми себе кого-нибудь в помощники. Грех можно искупить только усердным трудом во имя Господа нашего.

Викарий подозревал его в сговоре с тёмными силами, – понял Готфрид. То, что он назначил его вести дознания – ни что иное, как проверка. Пришлось шёлкнуть каблуками и отчеканить:

– Всё исполню как велите, герр Фёрнер. В помощники хочу Дитриха Байера. Можно приступать?

– Подожди, – викарий впился в глаза сержанта, на мгновение замолкнув. Слышно было, как скрипит перо секретаря в углу. – Что там с этой девушкой? Где она сейчас находится?

Айзанханг вновь напрягся.

– Я оставил её у себя. Отец её, Альбрехт Шмидт, недавно умер, так что девушка осталась сиротой... Вчера она была опоена колдовским зельем, а сегодня, когда она придёт в себя, я отведу её домой. Но защищать её для меня – дело чести.

– Альбрехт Шмидт, говоришь? Разве у него была дочь?

Готфрид пожал плечами. А затем спохватился и кивнул.

– Помню его, хороший кузнец был. Изрядно мы с ним не виделись. Жаль, больше и не придётся. А не боишься, что эта девушка сама окажется ведьмой?

Готфрид помедлил, но ответил:

– Если она окажется ведьмой, то я сам отведу её на костёр!

Викарий испытующе поглядел на него, а затем коротко кивнул:

– Посмотрим, посмотрим. На дознаниях тебя будет сопровождать вот этот секретарь, майстер Ганс Шталь. Будь уверен, он запишет и доложит мне всё в точности. Помни о своём обещании, и дай Бог, чтобы твоя возлюбленная не оказалась ведьмой... Ты же, покуда идёт расследование, держи себя в руках и не вздумай поддаться соблазну прелюбодеяния с ней, ибо тогда сам пойдёшь на костёр, как соблазнённый дьяволом. Всё ясно?

Готфрид кивнул.

– Мне нужна твоя клятва, – потребовал Фёрнер, протягивая вперёд руку с перстнем на пальце.

Он встал перед викарием на одно колено и произнёс:

– Клянусь своей бессмертной душой, что не предамся прелюбодеянию с дочерью кузнеца, покуда не буду уверен в её чистоте. Клянусь так же, что... – он вдруг запнулся, дыхание его перехватило и вся решимость вдруг улетучилась, оставив ужасный холод в желудке и слабость во всех членах. – Клянусь, что... что буду... что поведу её на костёр, если будет доказано, что она... ведьма.

Последние слова он произнёс дрожащим голосом, потому что представил, как одна из арестованных под пыткой называет девушку колдуньей и своей сообщницей... Не важно, правда это или нет, но отныне жизнь её... Нет, лучше не думать.

Готфрид поцеловал перстень викария и поднялся. Фёрнер удовлетворённо кивнул, и произнёс, глядя в бумаги:

– Вот так. Пусть она пока живёт у тебя. Мне кажется, что ведьмы так просто её не оставят в покое, а значит она может сгодиться и для нас. Теперь можешь идти. Пусть ко мне сейчас зайдёт Байер, а ты хорошенько всё вспомни. Нам нужны имена и приметы тех личностей, что участвовали в шабаше. Скажи Байеру, чтобы ждал моего приглашения. И пусть Господь поможет тебе.

Готфрид перекрестился, кивнул и вышел из кабинета.

Толстый секретарь перестал скрипеть пером и воззрился на Фёрнера.

– Как думаете, герр Шталь, – сказал викарий, подходя к нему. – Что заставит впасть человека в большой грех: страх, ненависть, гордыня, жажда власти или искренняя любовь? O tempora, o mores...

С этими словами он взял исписанный протокол и, смяв его, бросил в камин, на тлеющие угли.

– Ну, что? – спросил Дитрих, когда Готфрид притворил за собой дверь.

– Он всё знает! – прошептал тот. – И про девушку, и про то, что ты один пост сдавал...

– дьявол! – возмущённо ответил Дитрих и сжал кулаки. – Вот ублюдки!

Тут дверь отворилась и Шталь позвал Дитриха внутрь.

Когда он вернулся назад, лицо его было бледнее, чем обычно. Он напряжённо тискал в руках шляпу и то и дело стирал ей пот со лба.

– Снова тебя требует, – сказал он другу. – Давай, с Богом.

Готфрид вернулся в кабинет к викарию. Пока Дитриха не было, он как можно более точно вспомнил события вчерашней ночи и продиктовал имена так уверенно, словно это была молитва «Pater noster». Наскоро записав за ним, секретарь скопировал этот список и вручил викарию. Фёрнер с интересом принял бумагу начал читать в слух, как будто пытаясь выяснить, не ошибся ли его подчинённый:

– Рудольф Путцер – тот, которого уже поймали, скорняк. Дитрих Аальхаут – мелкий торговец. Якоб Вебер – иудей, ростовщик... хорошо, хорошо... и Каталина Фридман.

Несколько раз удовлетворённо кивнув, Фридрих Фёрнер благословил Готфрида на богоугодное дело.

– Хорошо, Айзанханг. На сегодня свободны – советую отоспаться, наверное устали за ночь. За подозреваемыми отправятся другие люди, а вас завтра с утра... хм... нет, к полудню, жду здесь. Свободны.

Готфрид лишь поклонился и вышел.

* * *

Хэлена сидела на чердаке своего дома, завернувшись в старый тёплый плед, и в который раз перечитывала «Тристана и Изольду». Из распахнутого настежь окна лился бледный свет, какой обычно бывает в непогоду. Лёгкий ветерок, иногда забрасывающий в окно брызги тихого моросящего дождя, блуждал по чердаку, вороша старую пыль. Её сухой запах смешивался с ароматом пасмурной сырости. И так очевидна была грань между мёртвым спокойствием тёмного чердака и унылым бытием шумного ненастья.

Иногда ветер игриво пытался перелистывать страницы, но Хэлена удерживала их тонким пальчиком, хотя в этом и не было необходимости – она никак не могла сосредоточиться на чтении. Книгу она уже давно выучила наизусть, но всё время ловила себя на том, что мысленно она не в Корнуолле, а где-то далеко оттуда, совсем в другом месте. Неважно где, важно лишь, что рядом с ней Он. Глубоко вздохнув, она отложила книгу и оперлась на разохшийся от времени подоконник, положив голову на руки и наблюдая за серым и холодным дождём. Она любила ненастья, потому что в эти часы так по-особому воспринимался привычный домашний уют.

Едва Хэлена проснулась сегодня утром, как её охватили мысли о том таинственном незнакомце. Цернунне. Рогатом. Эти мысли и фантазии жгли её изнутри подобно огню, и она уже не находила себе места – так страстно желала поскорее увидеть его вновь. Не спасали даже любимые книги. «Наверное, это любовь» – говорила она себе, задумчиво поглаживая волосы. Может быть хоть этот мужчина будет не похож на других, будет таким, что никогда не надоест, никогда не опостылит... Хотя и понимала, что это лишь мечты.

Она бросила последний взгляд на булыжную мостовую под окном, которая сейчас была скрыта под слоем воды и грязи, и пошла вниз, осторожно ступая по ступенькам старой лестницы.

– У герра Нойманна заболела дочь, – бросила ей мать, когда Хэлена проходила мимо её комнаты. – Он просил помочь ей, и готов заплатить.

– Хорошо мама, – тихо сказала Хэлена, надевая тяжёлый кожаный плащ. – Я зайду к нему попозже.

Почему-то Хэлена всегда говорила тихо, точно стесняясь звука своего голоса, в отличие от матери, у которой тон был истинно командирским. Хотя, возможно, первое вытекало из второго.

Она вышла на улицу и пошла в одной ей известном направлении. Ступая по торчащим из луж камням мостовой, она слушала, как дождь барабанит по толстому капюшону плаща. Сначала было зябко, но потом она согрелась, быстро шагая по мокрой дороге. Она направлялась к Матери. И Мать была ей чуть ли не ближе родной. Она должна рассказать ей о Рогатом. Никогда у Матери не было секретов от Хэлены. Ну, почти никогда. Поскорее бы узнать хоть что-нибудь о том незнакомце. Эта жажда не давала ей спокойно существовать, требуя действовать. И пока Хэлена шла по улицам Бамберга, её посещали сладкие мечты, которым она давала волю. Казалось, что она нашла смысл жизни, и теперь следовала тому, что велит сердце – подобно героям её любимых произведений.

Так она добралась до одного неприметного дома и постучала в дверь трижды по три раза. Ей открыла седая старуха, выглянула на улицу, проверяя, не притаился ли там кто, а затем поманила её внутрь костлявым пальцем, с длинным обломанным ногтём на конце. Хэлена вошла, плотно затворив за собой дверь. Старуха тем временем направилась вглубь дома, бормоча что-то неодобрительное по дороге. А она повесила плащ, сняла платок с плеч, и последовала за ней, смиренно ожидая, когда Мать заговорит.

– Ну, чего пришла? – спросила наконец та то ли недовольным, то ли усталым голосом. – У меня сейчас хватает забот. Если зелий каких нужно, так у меня самой мало осталось, а ты уже не маленькая, знаешь сама, как их готовить...

– Мать, – тихонько перебила её Хэлена. – Простите, но я не за этим пришла. Вчера на шабаше был незнакомец, о котором я не могу забыть...

Она замолчала, ожидая. Та, которую она назвала Матерью, насторожилась и повернула подозрительное лицо к девушке.

– Я не могла оторвать взгляд от него, и хотя лицо этого... мужчины было скрыто маской, но всё же я почувствовала такую силу, что последовала за ним, когда появились солдаты, – продолжила она, и её сердце замирало от восторга. Её чувства были не просто возвышенны и красивы, как в древней легенде, они также были настоящими. Истинными.

Глаза Матери округлились от удивления.

– Дура! – воскликнула старая ведьма. – Ты хоть представляешь, что ты могла наделать? Чудо, что ты в живых осталась!...

Хэлена потупилась, опасаясь встречаться глазами с яростным взглядом Матери. Колдунья бросила грязную сковороду в кадку с водой, и вновь, но на этот раз с пониманием, посмотрела на Хэлену.

– Глупая, – выдохнула она. – Да если б ты знала, кто это на самом деле, то убежала бы прочь.

– Мне всё равно, – упрямо ответила Хэлена, так и не поднимая взгляда. – Скажите мне, кто он, и я последую за ним хоть на край света...

Мать безнадежно покачала головой.

– Нет, нет, нет! Не нужно тебе этого знать...

– Но я хочу быть с ним! – Хэлена сказала это так резко, что сама испугалась, однако Мать лишь вновь покачала головой.

– Ты думаешь, ему нужна такая, как ты? – ведьма сощурила глаза и подозрительные морщинки исчеркали всё её лицо. – Ты думаешь, что не получив Эрику, он согласится на другую?

– Но чем я хуже Эрики? – недоумевала Хэлена.

– Она... да хотя бы и то, что она – девственница. Я чувствую это даже сейчас. А вот ты...

– Мать многозначительно промолчала, оглядывая ученицу с ног до головы.

Хэлена вновь потупилась и покраснела. В который раз она пожалела о своей развязности, однако сколько ещё раз ей предстоит этому радоваться?

– То-то же! – произнесла Мать. – Поэтому-то ты ему и не нужна.

– Тогда скажите хотя бы, человек это или и вправду...

– Вправду, – кивнула Мать, спрятав глаза.

– Я хочу увидеться с ним, пожалуйста...

– Ни за что! – отрезала старуха. – Ты ему совершенно безразлична. Его блудницы не интересуют.

В глазах выступили предательские слёзы. Казалось, весь мир сейчас рухнет. Блудница... Как же тяжело носить это клеймо. Не стоит рассчитывать на любовь или даже простое человеческое уважение. Но самое обидное, что она не нужна Ему. Как будто все её чувства ничего не значат. Но нет, это ложь. Мать просто не хочет, чтобы Хэлена встретила своего бога. Но почему?

Мать прервала её мысли, погладив девушку по плечу.

– Ну ничего, ничего. Не грусти. Кажется, я знаю средство...

Хэлена с надеждой подняла на Мать заплаканные глаза, а ведьма продолжала:

– Если Рогатому угодна только Эрика, то нужно вернуть девчонку.

Хэлена слушала молча, изредка кивая, а Мать продолжала:

– Он ведь мужчина, поэтому, возможно, захочет не только Эрику, но и...

– Я согласна! – с плохо скрываемой радостью произнесла Хэлена.

Мать тоже улыбнулась и кивнула.

– Тогда ты будешь помогать мне. Где она и с кем – вот, что нам нужно узнать.

* * *

Разволновавшись в ратуше, Дитрих с Готфридом решили немного успокоиться. Ни о каком сне уже и речи быть не могло – Дитрих признался, что у него колени тряслись в кабинете викария. Готфриду тоже пришлось поволноваться. Поэтому они решили, чтобы не терять время на пустой сон, зайти в любимую пивную и выпить пива, благо оно отлично помогает уснуть, и набить животы.

Они расположились за угловым столом, чтобы не мешали болтающиеся туда-сюда посетители. Стол был грязным, в царапинах от ножей, словно мясницкая доска, и был зрелищем довольно печальным. Но лишь до того момента, как его украсили двумя зайдлами пива и цепочкой толстых сосисок.

– Я думаю, кто-то донёс Фёрнеру, что я забрал её к себе, – мрачно сообщил Готфрид, отрывая одну из них.

Дитрих даже отставил кружку.

– Уверен! Проклятые стражники! – он закатил глаза, соображая с явным усилием. – Как думаешь, Гога, ради выслуги нажаловались или по глупости наболтали?

Готфрид пожал плечами, сосредоточившись на пиве, и ничего не ответил.

Дитрих тоже взялся за еду и пиво, и только изрядно выпив, продолжил говорить. Причём ещё больше, чем обычно.

– Вот ведь мерзавцы. Нет чтобы промолчать, просто по дружбе... Рассказали... Надо их выловить да потолковать по душам. А лучше рожи им почистить. Ненавижу тех, кто ради выслуги, ради звания готов дружбой и всем поступиться... А ещё ненавижу этих еретиков! Всяких там ведьм, колдунов, гадалок, некромантов, дьяволов, предсказателей и знахарей! А знаешь за что? Да за то что они против веры, против Бога идут! Да и ладно бы, если б просто Господу не молились, но ведь и людей губят, посева уничтожают, скотину портят! Вера, христово учение, она ведь для того нам, грешным, дана, чтобы души спасти и начать жить в мире и любви. – он отхлебнул и продолжил, – А ещё ненавижу людей, которые друзей предают. Вот я ради друга, ради тебя, Готфрид, хоть в ад спущусь! – и Дитрих похлопал товарища по плечу. – Пусть хоть вся шведская армия против нас двоих встанет, а всё равно нельзя бежать, потому что друг рядом. А с другом и умирать веселей! Правильно?

– Да, – кивнул Готфрид. – А я презираю тех людей, кто не только против веры идёт, но и против власти, против всех, пытаюсь своего выгородить. Если обвиняют твою жену или дочь в колдовстве, так стоит ли из-за этого против людей, против всего поворачиваться? Писать доносы, с еретиками сговариваться... А может жена твоя дьяволу отдавалась? А может она детей новорождённых живьём ела? Ведь нельзя из-за страха потерять близкого человека против всей империи становиться? Все мы близкими людьми дорожим, но ведь если жена, допустим, душу дьяволу продала, то разве можно её женой твоей назвать? Она ведь что-то вроде дьявола, получается. Нечисть, одним словом. Ведь если не будет власти божьей и мирской, то и родственникам твоим опасность стократ выше будет от дьяволов, от чародеев беспутных, которые ради удовольствия людям вредят. Если не умрёт одна ведьма, могут пострадать множество невинных.

– Вот! – поднял Дитрих палец. – Дерьмо. Это, брат, от слабости всё! Если слаб человек духом, то он ради мирского, ради суетного готов свою жалкую душу загубить! Ему говорят, что спасётся он, если выдаст жену-ведьму или дочь, а он упираться начинает! Страх и слабость – вот что душу губит, заставляет человека против веры идти.

– То-то и оно, – вздохнул Готфрид. – Представь, если бы каждый, ради спасения души, взял бы да и открыл инквизиции каждого еретика, каждую ведьму или знахарку, которую знает. Вот тогда бы мир от скверны очистился. Жаль, не все это понимают. Думают, что могут к знахарке сходить или к травнице, чтобы она их вылечила, а потом в церковь. Бог всё простит.

– Ох, всех бы знахарей извести, то-то дело хорошее было бы... – Задумчиво обронил Дитрих. – Все болезни молитвой да верой в Господа излечить возможно, а они с дьяволами якшаются...

– Не скажи, – помотал головой Готфрид. – Кажется, герры Шпренгер и Инститорис в своём великом труде писали, что если знахарка Господу служит и молится ему ежедневно, то таких можно в живых оставлять, потому что они людям будут пользу приносить своим чародейством и знахарским умением. Хотя, возможно, я что-то путаю.

– Не знаю, не читал я «Молота ведьм», – отмахнулся Дитрих. – И никакие знахари мне не любы. Конечно, они могут вылечить от болезни какой или ещё чего, но кто знает, не нашьют ли они порчу на тебя? Особенно те, что в колдовстве сведущи. Им только дай волю!...

– Вот поэтому и нужно, чтобы инквизиция о них знала! Чтобы раненый или больной не боялся за душу свою. У герра Фёрнера их, по слухам...

– На то он и герр Фёрнер! Давай этот разговор прекратим, мало ли? – сказал Дитрих, осматриваясь по сторонам. – Глянь лучше, как на нас те двое смотрят!

Готфрид обернулся и всмотрелся в лица двух мужчин, наблюдавших за ними.

– А спорим, я их сейчас глазами прогоню, как чародей какой?

И, не дожидаясь ответа, Дитрих уставился подозрительным взглядом на двоих спутников. Готфрид искоса наблюдал за их реакцией: мужчины, хлюпавшие дешёвой похлёбкой, сначала опустили глаза принявшись вдруг что-то искать в чашках. Дитрих смотрел на них не мигая,

приговаривая что-то себе под нос, словно шепча заклинание. И вдруг один мужчина спешно поднялся, едва не опрокинув длинный прямоугольный стол, и, что-то неразборчиво бросив второму, направился к выходу. Второй же, с опаской глянув в сторону друзей, последовал за ним с расторопностью рекрута имперской армии.

– Что я тебе говорил! – загоготал Дитрих, когда испуганные посетители исчезли за дверями. – Ведь ни единого колдовского слова не знаю, а вот прогнал этих двоих! Выходит сила колдунов только в страхе, который они маловерным да деревенщинам всяким внушают! Эти же, вон, испугались, что я сейчас их в Труденхаус потащу, вот и сбежали!

Уже стемнело. Мартин ходил где-то, а не встречал Готфрида, как обычно. Спасённая уже давно, наверное, бежала. Проснулась в чужом доме, в чужой постели, испугалась всего того, что могло произойти, и, выбравшись через окно, вернулась в свой опустевший дом.

Однако он всё равно достал гребень, который всегда носил с собой, и расчесал волосы.

Затем, покачиваясь, Готфрид повернул ключ в замке, открыл дверь и... не узнал своего жилища. Исчезла серая паутина со стен и потолка. В камине, избавленном от сажи, догорали несколько толстых поленьев. С кухни тянуло ароматом жаркого. Пол был тщательно вымыт, а на отскобленном от грязи столе, словно войско императора на смотре, стояла вычищенная до блеска посуда. Гостья, устав от проделанной за день работы, спала на постели для гостей, укутавшись в тёплое шерстяное одеяло. Готфрид тихо прикрыл дверь, будто боясь спугнуть сладкое наваждение, затем немного постоял над спящей. Её лицо было так прекрасно в неровном свете от пламени очага, что у него сжалось сердце, едва он подумал о том, что мог бы промедлить в прошлую ночь. Тогда бы он поймал того колдуна, что рядился в маску дьявола, но что бы потерял? Потерял бы душевный покой, если бы позволил нелюди надругаться над этим творением небес... хотя покой теперь потерян ещё вернее, и гулко колотящееся сердце на даст заснуть до утра. И пусть герр Фёрнер сетует, что из-за него самые сильные и злые ведьмы ещё на свободе. Готфрид чувствовал себя виноватым, но не сожалел об этом.

Когда Готфрид оставлял её у себя дома, то боялся, что она сбежит и больше никогда не встретится ему на пути. Но она осталась и даже отблагодарила спасителя, прибрав его дом. Это, конечно, не тот вид благодарности, которую часто испытывают благородные дамы, спасённые рыцарем из когтистых лап дракона, но Готфриду, любящему порядок, но не умеющему его поддерживать, этого хватило с лихвой. Но вот знает ли она, кто её спас? Запомнила ли она лицо, хоть и была подобна кукле – безвольная и бессмысленная пародия на человека? А может быть ей действительно некуда было больше идти, вот она и осталась в доме неизвестного хозяина?

«Клянусь, – сказал Готфрид сам себе, – что буду защищать её до последней капли крови, чего бы мне этого не стоило». И пусть он произнёс всё это про себя, пусть он был пьян и его слегка покачивало, слова эти были так же крепки, как клятва, данная викарию.

Он ещё постоял над ней, любуясь, глубоко вздохнул, а затем медленно поднялся по скрипучей лестнице, задерживая дыхание на каждом шагу. Скорее бы пришло утро...

Глава 6

ЭРИКА ШМИДТ

Серый потолок, правда уже без привычной паутины, гул голосов на улице.

«Господи, помоги мне сегодня быть достойным милости твоей и остаться верным тебе, не впасть во грех, и не предаться мирскому» – коротко помолился Готфрид. Он всегда молился по утрам, а теперь нужно было делать это с особым тщанием. Затем он шёпотом произнёс молитву «Pater noster», и тут услышал шуршание внизу.

Скрип лестницы выдал его.

– Доброе утро, – сказал он, сжав руку на деревянном поручне.

Гостя сидела в кресле перед горящим камином и смотрела в огонь. Услышав Готфрида, она вздрогнула, обернулась, а потом быстро встала с кресла, словно боясь чего-то.

Чтобы не быть голой, она надела его одежду, валявшуюся в кладовой: старую рубашу с мешковатыми рукавами и заношенные штаны, которые он когда-то очень любил.

– Доброе утро, – повторил он. – Меня зовут Готфрид, а вас?

– Эрика... Эрика Шмидт, – промолвила та после некоторой паузы и попыталась сделать реверанс. – Мой отец, Альбрехт Шмидт...

– Да, я помню его, – кивнул Готфрид. – Он сделал для моего отца шпагу.

На мгновение повисла неловкая пауза.

– Спасибо, что прибрали мой дом, – вымолвил он наконец. – Вы помните, что случилось позапрошлой ночью?

Эрика вся покраснела и спрятала глаза.

– Кажется меня хотели... совершить ритуал... ну, ведьмы...

– Колдовской шабаш – произнёс Готфрид, добавив в голос суровых ноток. – Как вы туда попали?

– А где я? – с детской наивностью спросила она. – Я помню только начало этого, а дальше...

– А дальше мы сорвали его. Вы ведь дочь Альбрехта, поэтому я взял вас к себе. Но вы не ответили, как попали туда?

Она боялась этого вопроса, намётанный глаз ведьмолова заметил это. Боялась, что её посчитают ведьмой? Эрика глубоко вздохнула, оглядела глазами комнату и безнадежно, будто уже стоя на эшафоте, сказала:

– Меня опоили зельем... А что было потом не помню. Даже того, как оказалась здесь. А вы... солдат?

Готфрид кивнул.

– Значит вас опоили против вашей воли?

– Да, да! – энергично закивала Эрика. – У меня ведь больше нет отца, так что никто бы меня не хватился, вот меня и решили...

Она замолчала.

– Принести в жертву?

– Да.

– Кому?

– дьяволу, – ответила она спрятав глаза. – Это был дьявол, – она осенила себя крестным знаменем, – слуга Сатаны!

– Я понял это. Но мне показалось, что под личиной дьявола скрывался обычный человек. Видно было, что Эрика очень смущается, но всё же она твёрдо покачала головой.

– Это был дьявол. Или тот, в кого он вселился. Какой человек пойдёт против людей и Бога? – она подняла глаза к потолку.

– А почему они выбрали именно вас?

– Ну... моего отца больше... нет... – Эрика уставилась в пол. – Я ещё девушка, и... наверное мне просто не повезло...

Готфрид кивнул. Может быть ведьмы таким образом хотели опорочить семью славного мастера и бывшего солдата Альбрехта Шмидта? Или ей и вправду не повезло?

– Хорошо, – сказал он после паузы. – А где ваша мать?

– Её у меня тоже нет, – и она вздохнула.

– Так как вы попала им в руки?

– Они... еретики пришли на похороны отца. Я думала, что они его друзья, знакомые. А потом они опоили меня.

Готфрид помолчал.

– Сможете опознать кого-нибудь из них, если потребуется?

Девушка снова кивнула, а затем неуверенно спросила:

– Вы ведь не будете меня пытаться? Ведь я не виновата, меня против воли...

– Конечно нет, – сказал он. – Вы можете пока идти домой. Если хотите, мы приставим к нему охрану и вас больше никто не тронет.

Самому ему не хотелось этого говорить, но долг и совесть требовали дать ей свободу, отпустить, отправить домой.

– Сейчас мы позавтракаем, а потом я дам вам денег на экипаж. Дело в том, что к полудню мне нужно быть в ратуше...

Во время этого разговора Готфрид стоял на ступенях лестницы, а Эрика прямо перед ним, возле приоткрытой двери кладовой. Великолепное гостеприимство: устроил несчастной допрос при первой встрече. У неё умер отец и сама она пережила такое, что не дай Бог никому. А тут ещё и эти подозрительные расспросы... Чурбан. Накормить бы её для начала... Да одежды купить.

Эрика молча смотрела на него, крепко сжав руки, словно молясь.

Деньги у Готфрида водились, и немалые – по закону, родственники казнённых еретиков должны были выплачивать деньги всем причастным к казни. От епископа, верховного судьи, до самого низшего палача. У него эти богатства уходили, в основном, на повседневные нужды и оседали в «Синем Льве».

На какое-то время повисла пауза, а потом Готфрид повернулся и пошёл на кухню. Живот уже подводило от голода и вчерашнее жаркое пришлось бы как нельзя кстати. А потом можно забежать в «Синий Лев», перехватить кружечку-другую. Но как же всё-таки не хочется, чтобы Эрика уходила.

Он повернулся к ней и выжидательно посмотрел.

– Домой мне нельзя, – сказала Эрика, жалобно взглянув Готфриду в глаза. – Они выслеживают меня. И вам... вам тоже туда нельзя, потому что они могут и вас выследить или убить... В моём доме теперь только нечисть.

Повисла долгая пауза.

– Хорошо, – наконец кивнул Готфрид, умело скрывая восторг. – Так как Альбрехт был другом моего отца, то я считаю своим долгом защищать вас от всех напастей и предоставить вам все возможные удобства. Так велит мне честь и так я хочу, так что можете рассчитывать на меня. Жить будете здесь, пока мы с этим делом не разберёмся.

– Большое спасибо вам, благородный герр, – сказала Эрика, взглянув в его глаза с благодарностью и... теплотой? От этой теплоты сердце Готфрида стало таять, и он улыбнулся. Непривычно и нелепо, но очень искренне.

– А сейчас пойдём за продуктами и купим вам женскую одежду – негоже фройляйн ходить в мужских обносках.

Эрика кивнула, смущённо улыбнувшись. Конец допроса принёс ей явное облегчение. Конечно, она смущалась – одна, в доме незнакомого мужчины. Но смущался и Готфрид, хотя под ледяной маской равнодушия этого не было видно.

Они наскоро позавтракали вкусным жарким и пошли по узким улочкам Бамберга, стараясь особо не спешить, чтобы дорога вместе длилась подольше. В Труденхаусе сейчас просыпались подозреваемые, их тела ныли от вчерашних пыток и холодных камней пола, а души страдали от невыносимой неопределённости будущего. Хотя какая уж тут неопределённость? Каждого ждала боль, каждого ждал позор и пламя. И пусть тех, кто не сознавался, отправляли в тюрьмы на долгие годы, выдержать пытки всё равно было мало кому под силу.

Узники просыпались, думая о предстоящих муках, которые расчётливая инквизиция отложила до полудня – пусть еретики мучаются в ожидании, промаринуются в собственном страхе, тогда и станут податливее и сговорчивее.

А в это время снаружи, вне тьмы камер, молодая пара прохаживалась по узким улицам Бамберга, стараясь особо не спешить, чтобы дорога вместе длилась подольше.

Вопреки ожиданиям Готфрида, его златовласая спутница никак не реагировала на встреченных ею людей. Наверное, все еретики крепко засели в норах и берлогах, боятся высунуть свои богохульные носы на улицу. И, в общем-то, правильно делают. Или же она просто никого из них не знала в лицо. Или знала? А Рудольф Путцер? Вот уж кто точно был с ней знаком. Ох, не случайно именно её, Эрику Шмидт, выбрали жертвой...

Внезапно у Готфрида появилась идея: а что, если устроить Эрике очную ставку с возможными похитителями? Ведь она сможет опознать многих из тех, кто сейчас ждёт своей пытки, и тогда, возможно, им будет легче. Обвинение, в котором есть неколебимая уверенность, но пока нет доказательств, будет составлено значительно быстрее, а значит на долю обвиняемых выпадет меньше истязаний. То есть они почти сразу отправятся на казнь.

С этими мыслями он шёл молча. Хотелось что-нибудь сказать Эрике, чем-то её развлечь, но он не был мастером болтовни, как Дитрих, а боязнь выставить себя не в лучшем свете губила на корню все зачатки разговоров.

Мысли об очной ставке он тоже отбросил – не стоило вообще вести Эрику в Труденхаус, ведь кто знает, вдруг и на неё падут подозрения?

Так они шли дальше и Готфрид изредка поглядывал на свою спутницу – если бы она увидела кого-то из своих похитителей, он сразу понял бы это. Но Эрика смотрела на всех прохожих одинаково равнодушно.

* * *

Этим утром Хэлена вышла из дома, намереваясь посетить одного своего знакомого. Мать пристыдила её накануне за распутный образ жизни, но сколько знакомых у неё благодаря этому!

В этот солнечный день она собиралась заглянуть в гости к Зигфриду – одному из своих мужчин, лейтенанту городской стражи. Он мог бы рассказать ей, где сейчас находится Эрика Шмидт. И с кем. То, что Эрики нет в Труденхаусе уже сказала ей Мать. Интересно, какое волшебство она использовала, чтобы узнать это?

Более того, Хэлена собиралась развеяться и немного согрешить. Правда, совсем не с Зигфридом.

Солнце светило мягко и ярко. Улицы были полны: тут были и люди, снующие по своим делам; и мухи, жужжащие над ещё тёплой кучей дерьма под расписным окном; и вездесущие

грязные вороны и голуби, копающиеся в утреннем мусоре; и крысы, которые составляли им конкуренцию.

Путь Хэлены лежал в центр города. Она окликнула возничего двуколки, чтобы добраться туда быстро и с удобством.

Дурного вида престарелый возничий смерил её взглядом, каким умирающий от голода смотрит на вертел с бараниной, и спросил, куда ей нужно.

– В центр, на рыночную площадь, – сказала Хэлена.

– Хорошо, милая фройляйн, я не возьму с вас много денег, – подобоострастно сказал он, и Хэлена с отвращением поняла, что его интересует плата совсем иного рода.

Извозчик гнал по главным улицам, то и дело охаживая кнутом зазевавшийся народ, и бросал плотоядные взгляды в глубокий вырез на платье Хэлены, сидевшей рядом. Как будто хотел сожрать её с потрохами. Она же старательно избегала встречаться с ним взглядом, делая вид, что очень интересуется проносящимися мимо них грязными домами.

Наконец двуколка остановилась прямо у рыночной площади.

– Куда дальше? – с готовностью спросил возничий.

– Спасибо, мне и здесь удобно, – вежливо ответила Хэлена и быстро слезла на землю. Даже не воспользовавшись рукой, которую ей услужливо предложил возничий.

Она расплатилась с ним и не оглядываясь пошла прочь, по дальше от его похотливых глазок. Хорошо ещё, что это благодетель не огласил в слух той цены, которую хотел получить от неё. Попадают же иногда такие... В тридцать лет они вдруг понимают, что жизнь прошла мимо, и начинают неумело заигрывать с каждой встречной. Это было бы даже мило, если бы не было так убого. Эти отчаявшиеся престарелые ловеласы всегда раздражали Хэлену. Жалкие, лысеющие, с масляными улыбками и заискивающими глазами... При ней они нахохливались и выпячивали грудь вперёд пивного брюха. А когда возвращались домой, к толстухе-жене и опостылевшим детям, снова сутулились и шаркали ногами. Каждый из них напоминал облезлого петуха, который от старческой слабости ума вдруг решил, что он орёл.

Как же Хэлене хотелось почувствовать рядом с собой настоящего мужчину. Сильного и независимого, неколебимого как скала и ласкового, как весенний ветерок. От этих мыслей она снова вспомнила о Рогатом. Властитель лесов, бог тех сил природы, которые никогда не подчинятся человеку, необузданный, сильный, страстный. Та сила, которая заставляет семя расти в плодородной почве, которая порождает новое и уничтожает старое.

Настоящий мужчина.

И настоящие мужчины, судя по всему, не заставили себя ждать.

– Эй, – окликнул её грубый голос. – Стоять!

Хэлена нервно оглянулась и встретилась взглядом с двумя стражниками, которые спешили к ней, бряцая бронёй. Она остановилась, не ожидая ничего хорошего. Патрульные сбавили шаг.

– Что-то она подозрительно выглядит, – сказал один, дыхнув пивным перегаром.

– Наверное, украла что-нибудь, – кивнул второй.

Хэлена оцепенела и только испуганно поглядывала на них обоих. От них воняло потом и пивом, глаза у обоих были мутные и злые.

– А ну-ка, как зовут? – осведомился первый. У него были густые русые усы, голубые глаза и нос картошкой.

Хэлена молчала.

– Как зовут? – повысил голос второй, худой и гладко выбритый. – Глухая что ли?

– Хэлена, – ответила та, стараясь бочком-бочком как-то обойти патрульных.

– Куда идёшь? – спросил первый, перегораживая ей путь.

– В гости, – бросила Хэлена, шаря глазами по улице в поисках спасения. – К лейтенанту Зигфриду Татцену.

– В гости! – передразнил её второй. – К какому ещё Татцену? Знать не знаю такого. Подожди убежать, давай отойдём.

– Я не хочу, я очень спешу, – взмолилась она.

– А тебя никто не спрашивает, – ответил первый. – Может, ты что украла, а?

С этими словами они загнали её в ближайший переулочек. Вокруг были только серые стены, по земле текли ручьи воды от вчерашнего дождя. И выхода не было – другая сторона переулочка была намертво закрыта досками.

– Ну что, – сказал второй, – она, поди, под платьем краденое прячет.

Он визгливо заржал и схватился за подол её платья.

– А ну-ка, – пробасил первый, и его похотливые лапы легли на её ягодицы и бедро.

Хэлена пыталась оттолкнуть их руки, как-то успокоить этих двоих, но те уже ничего не слышали. Они прижали её к стене, начали лапать грудь, задрали подол...

– Помогите! – закричала она, не надеясь особо, что кто-нибудь ей поможет. Двое стражников никак не отреагировали – они знали, что если сюда кто и сунется, то тотчас же пойдёт дальше, стараясь забыть увиденное. С властью никому не хотелось ссориться.

– Не надо, пожалуйста! Не надо! – на глазах Хэлены выступили слёзы, она всё ещё отбивалась, но вот ткань платья затрещала...

– Эй вы! – послышался низкий гневный голос.

Хэлена повернула голову, но увидеть незнакомца ей мешал один из стражников, плотоядно глядевший на неё и облизывавший слюнявые губы.

– А ну оставьте её в покое, ублюдки!

Стражники развернулись, разъярённые тем, что кто-то посмел им так грубо мешать.

Хэлена наконец увидела своего спасителя – он был в шляпе, лицо у него было суровое и злое. А через мгновение она с радостью поняла, что стражники его боятся.

– Хартман! – прорычал незнакомец, отталкивая здорового стражника. – А второй кто? А, Виттих!

Оба стража вжались в противоположную стену, пряча глаза от пришедшего и изредка бросая взгляды на Хэлену.

– Я вам, ублюдкам, прикажу плетей всыпать! – рычал тем временем её спаситель. – А ну марш на улицу и продолжать патрулировать! Сегодня же о вас доложу!

– Слушаюсь, сержант Айзанханг, – пробубнил один из стражников и они боком, словно два закованных в железо краба, всё ещё пряча глаза от пришедшего, обошли его и, выйдя из переулочка, быстро исчезли за углом.

Хэлена тем временем поправляла платье, пытаясь стереть слёзы с глаз.

– Всё хорошо? – спросил её спаситель.

Хэлена подняла на него взгляд и с удивлением увидела, что позади него стояла Эрика.

Мгновение они смотрели друг другу в глаза, застыв. В глазах Хэлены были слёзы и удивление. В глазах же Эрики только испуг.

От ярости Готфрид не заметил их взглядов.

Потом Хэлена закрыла лицо руками, словно плача, и выбежала прочь из переулочка.

– Эй! – только и успел крикнуть Готфрид ей в след.

Когда он услышал её крики, то не смог пройти мимо. Когда же увидел, что двое стражников пристают к совершенной невинной девушке, внутри его разгорелась такая ярость, что он еле сдержался, чтобы не поубивать их прямо на месте.

– Ублюдки, – выругался он и пошёл к выходу из переулочка. Эрика последовала за ним.

Ральф Шнайдер со своей женой Анной были портными с Ланге штрассе – самой главной улицы Бамберга. В их небольшую швейную мастерскую и пошли спутники.

Мастерская была не очень широкой, зато уютной. Здесь была стойка, деревянные болванки для шитья одежды. Над входом висели колокольчики, отпугивающие ведьм – ведь, как

гласит поверие, ведьмы боятся шума. Когда дверь открывалась, они звенели и бренчали, а к самой двери была прибита подкова.

Готфрид сдержанно поздоровался и попросил Ральфа помочь Эрике с выбором платья. Портной намётанным глазом оценил точёную фигурку Эрики и отправился в подсобное помещение, откуда вернулся с целым ворохом разных платьев, юбок, чепцов и каким-то свёртком. Всё это богатство он унёс в примерочную комнату, куда и пригласил златовласую фройляйн для выбора.

Когда за Эрикой закрылась дверь, и ключ повернулся в замке, Готфрид облегчённо вздохнул. Рядом с Эрикой у него самым позорным образом подкашивались ноги, в пору было вспоминать слова Дитриха о колдовстве...

– Нашли себе невесту, герр Айзанханг? – улыбнулся портной.

– Может быть майстер Шнайдер, – буркнул Готфрид. – Её семья пострадала от колдовства, одна она осталась. Я же взял её под протекцию, как велит совесть.

Портной вздохнул.

– Неужто в наше время люди остаются друг с другом только по велению совести? – спросил он у потолка.

Готфрид тоже вздохнул и кивнул в ответ:

– Да, это бич нашего времени – разнузданность нравов... Если бы не церковь, давно бы все в Геенне огненной мучились. Предались бы блуду, как проклятые язычники.

– Да, да, – покивал майстер Шнайдер грустно. – Истину говорите, герр Айзанханг. Но ведь только по совести тоже нельзя...

Тем временем замок снова щёлкнул, и в проёме показалась Эрика, одетая по последнему слову германской моды: белый чепец, завязанный под подбородком на красивый бант, белая рубашка, подхваченная тёмно-красным корсажем на шнуровке, и чёрная юбка, из-под которой торчали носки старых сапог Готфрида...

– Э-э-э... протянул он, растеряно глядя на Эрику, которая будто бы расцвела, и на лице её переливалась счастливая улыбка.

Однако же майстер Шнайдер воспринял его реакцию по-своему:

– Обувь я не продаю, – с сожалением сказал он. – Но фройляйн очень идёт это платье. Будете брать что-то ещё?

Готфрид вышел из оцепенения.

– Да, Эрика, может быть возьмёшь ещё пару платьев? Не будешь же ты всё время ходить в одном.

Девушка вернулась в примерочную, но не закрылась там, а сразу показалась с несколькими свёрнутыми платьями в руках. И когда она успела их все перемерить?

Готфрид расплатился, и портной забрал платья, которым сегодня повезло меньше. Однако таинственного свёртка среди них уже не было...

Затем пошли к сапожнику, майстеру Маллюру. Он сидел на крыльчке своей лавки и подбивал подошву ещё достаточно новому ботинку. У него нашлась пара женских туфель для Эрики. Казалось, она готова была приплясывать от радости, когда примеряла их, однако только скромно поблагодарила Готфрида за подарок, как всегда опустив глаза в пол.

Время уже подходило к полудню. Спутники попрощались с майстером Маллюром и поспешили за продуктами. Готфриду нужно было на службу, а Эрике, судя по всему, не терпелось как следует рассмотреть приобретения. А на это не жалко истратить и целый день. Поэтому они быстро набрали чего-то съестного почти не глядя и скорее пошли домой.

Однако и на обратном пути Готфрид не заметил, чтобы Эрике попались какие-то знакомые: люди проходили мимо них, не обращая ни малейшего внимания, а девушка всё время то смотрела себе под ноги, то поднимала голову и заглядывала ему в лицо. И взгляд этот обжигал его, заставлял отводить глаза, смущал...

Оставив счастливую фройляйн дома, Готфрид закрыл дверь на ключ и отправился на службу.

Его дом находился как раз между ратушей и Труденхаусом, в паре кварталов от обоих.

Когда он уже подходил, то увидел Дитриха у дверей. Он часто топтался там, поджидая Готфрида, трескал какие-нибудь орехи и сплетничал со стражниками.

Однако тут Готфрида окликнул знакомый дребезжащий голос.

Глава 7

ДЕМОНОЛОГ

Это был местный сумасшедший. Никто не знал его имени, а сам он называл себя то императором Фердинандом, то отвергнутым сыном епископа, однако кто-то поговаривал, что он свихнувшийся монах или колдун.

У него были седые сальные волосы, спутанные, как пряжа нерадивой хозяйки. Редкие гнилые зубы торчали из зловонной пасти, а за ними, подобно червю в ране, шевелился белёсый язык. Глаза его были безумны, жёлтые белки вечно вращались и крутились, как нахватавшаяся блох псина.

– Послушай, друг, – вкрадчиво сказал сумасшедший. – Разве Сатана предложил бы Иисусу все царства мира, если бы они ему не принадлежали?

Готфрид прошёл мимо, не удостоив его даже взглядом.

А вот и «дом ведьм». Множество имён: Малефицхаус, Хексенхаус, Труденхаус и Друденхаус, обозначали одно – четырёхэтажное здание, обнесённое трёхметровым забором и не блестящее особыми архитектурными изысками. Ровные серые стены, двухэтажная мансарда под двухскатной крышей, и всё это обнесено крепкой каменной стеной. Тюрьма была относительно новой – построили её всего три года назад.

Над дверями Друденахуса находилась фигура Справедливости и начертаны слова Вергилия: «*Discite iustitiam moniti et non temnere Diuos*», что означало: «Смотри и учись делать добро и не презирай благословенных богов». Слева и справа от входа были выполнены две надписи, одна на латыни, а другая на немецком, со стихами из Библии: «*И о храме сем высоком всякий, проходящий мимо него, ужаснётся и свистнет, и скажет: «за что Господь поступил так с сею землёю и с сим храмом?» И скажут: «за то, что они оставили Господа бога своего.*»

Дитрих стоял у входа и лузгал орехи.

– Привет, – сказал он после рукопожатия. – Сейчас только Фёрнер приехал, говорит, будем Фогельбаум допрашивать. Как думаешь, почему он именно нас выбрал для этого? У него же есть палачи, которым платят за такое...

– Я думаю, он нас проверяет. Меня, скорее... А тебя я взял в помощники. Как это – проводить дознания? Сложно?

– Да не особо, – Дитрих покачал головой. – Ты же это сто раз видел. Когда я тут работал, меня даже хвалили за усердие...

И он рассказал Готфриду о трудовых буднях наёмных палачей. О порядке дознания и о маленьких секретах, которые используют, когда вина очевидна, но доказательств нет.

Потом они вошли внутрь, и вся тяжесть деревянных перекрытий и неровных шершавых стен навалилась на них. Вдаль уходил широкий тёмный коридор, зажатый между двумя рядами обшарпанных деревянных дверей. В воздухе стоял запах тления и сырости, из камер то и дело доносились стоны, всхлипы и звонкий лязг цепей.

В конце коридора мерцала цветными витражами полукруглая пристройка с алтарём – здесь молились и исповедовались как инквизиторы, так и узники. А так же молельня защищала тюрьму от дьяволов.

Это была церковь судебной системы, только вместо скамей, стоящих ровными рядами, располагались двадцать шесть тюремных камер. Подобные тюрьмы были также возведены и в других крупных городах епископства.

Справа от входа была лестница на второй этаж, слева – каморка тюремщика и пыточные камеры.

Из своей коморки показался подхалим-тюремщик Леопольд Денбар, ссохшийся злой старикашка с бритой головой. Поздоровавшись с ним, друзья прошли в камеру дознаний.

Пыточная тоже была мрачным местом: небольшая комнатуха, шести шагов в длину, шести в ширину и шести в высоту, чтобы было удобно использовать страппадо. Стены были увешаны разнообразным палаческим инструментом – тисками, щипцами, масками, плетями. В полу находилось отверстие для слива нечистот и крови. В углу стоял стол, покрытый пурпурным сукном с жёлтой окантовкой, которое также было придавлено сверху тяжёлым бронзовым распятием на подставке. Небольшое окошко под потолком цедило пасмурный свет сквозь толстые прутья ржавой решётки.

Камера была наполнена людьми, столпившимися возле скрюченной, пристёгнутой к деревянному креслу фигурки молодой девушки. Той самой, с которой Дитрих Байер со товарищи так весело развлеклись пару дней назад. Это были всевозможные доктора, священники, жаждущие исповедовать заблудшее дитя, и, собственно, инквизиторы, которым надлежало вести дознание.

Из-за стола с пурпурным покрывалом на всю эту толчею взирали герр Фридрих Фёрнер, доктор права Эрнст Фазольт, незнакомый Готфриду доктор медицины, священник, а так же секретарь Ганс Шталь, посасывающий перо за своей маленькой конторкой в стороне. В тёмном углу, позади герров, притаился странный чернобородый незнакомец с изрядными бакенбардами. Он торопливо писал что-то в небольшой книжице свинцовым карандашом, иногда смачивая его слюной. На кафедре лежала стопка из трёх книг, чтобы можно было свериться на случай разногласий, а так же стояло бронзовое распятие, как символ божьего присутствия.

Наконец Фёрнер постучал деревянным молоточком в знак того, что дознание начинается, и вся мелкая шушера расплзлась вон из зала. В поисках новой жертвы, конечно, ведь параллельно, в соседних помещениях, велись ещё два дознания. А в зале суда остались лишь герры судьи, канцелярская сволочь, Готфрид с Дитрихом, а также чернобородый незнакомец с книжицей.

Прочитали все обычные молитвы.

– Приступим к дознанию, – сказал Фёрнер и вновь стукнул молоточком, отбив последние разговоры. – Извольте представиться.

– Анна Фогельбаум.

– Возраст?

– Девятнадцать лет, ваше преосвященство.

– Замужем?

– Нет, ваше преосвященство, живу с родителями...

– Знаете ли причину, по которой вас допрашивают?

Анна потупилась и произнесла:

– Обвиняют в ведовстве?

– Именно, – ответил Фёрнер мягко. – Поэтому предлагаю тотчас сознаться во всём, дабы не тратить наше и своё время.

Анна промолчала, а викарий вздохнул и спросил:

– Мои люди утверждают, что вас поймали в ночь на первое мая сего года на шабаше в Хаупсморвальде, где вы предавались богохульным игрищам и прочей ереси. Вы можете оправдаться?

Ведьма молчала ещё какое-то время, а потом, верно решив, что терять ей больше нечего, выпалила:

– Ваши люди, вот эти, – она указала на Готфрида с Дитрихом, – были пьяны, схватили меня в переулке и... и... надругались надо мной!

Господа судьи равнодушно переглянулись, и доктор Эрнст Фазольт предложил:

– Нужно проверить её на дьявольские знаки.

Дождавшись благосклонного кивка Фёрнера, Дитрих заголил девушке спину и грудь, и Готфрид стал присматриваться к её телу, ища нечестивые отметины. Грудь у неё была хороша. Лицо так себе, а вот грудь очень даже хороша. Упругая, молодая... Господа судьи даже наклонились вперёд, чтобы получше всё разглядеть.

– Что это за царапины на предплечьях?

– Ваша честь, это меня кошка исцарапала. Я хотела её покормить, а она...

Тем временем Готфрид проверял подозрительные участки кожи, тыкая в них специально предназначенным для этого шилом.

Укол – длинная, толстая игла входит в тело, девушка взвизгивает от боли, из ранки течёт кровь. Ещё укол – то же самое. Снова укол, следующий – девушка дёргается и кричит, кандалы звенят, но Дитрих крепко держит её за плечи. Опять укол, и вдруг шило по рукоятку входит в тело ведьмы в районе лопатки, прямо в странное тёмное пятно.

Она, казалось, сама была удивлена, потому что повернула голову и непонимающим взглядом уставилась на это место.

– Что вы чувствуете? – с интересом спросил Фёрнер.

– Я... э-э... щекотно... – в растерянности ответила Анна.

Писарь что-то нацарапал в протоколе, а Готфрид продолжил осмотр. Вскоре он обнаружил ещё пару дьявольских отметин: одну в виде пятна и одну в центре треугольника из родинок.

– Вы всё ещё будете отрицать свою виновность? – благодушно спросил Фёрнер. – В таком случае, где вы получили дьявольский знак?

Анна перекрестилась скованными руками и ответила:

– Я никогда ничего не замышляла против Господа, и останусь верна ему. Ни в каком шабаше я не участвовала и колдовством не занималась.

– Что ж, раз подозреваемая не реагирует на милосердное обращение, в таком случае следует применить пытки, – сказал викарий.

Готфрид приказал было применить тиски для пальцев, однако Фёрнер прервал его.

– Давайте лучше страппадо, – попросил он. – Сегодня у нас гость, так что покажем ему что-нибудь зрелищное. И снимите с неё платье, пожалуйста.

Наверное гостем был этот, с книжицей и бакенбардами. Палачи отстегнули девушку от кресла, раздели догола, связали ей руки за спиной и примотали к ним верёвку. Другой конец верёвки проходил через кольцо в потолке и был намотан на деревянный вал, к которому подошёл Дитрих. К ноге ведьмы Готфрид прицепил каменный груз, размером с её голову.

Анна Фогельбаум молчала и податливостью своей напоминала куклу. Вот Готфрид отошёл от девушки, заскрипел вал, наматывающий верёвку, и ведьма тихо замычала от боли, когда её начало поднимать к потолку, неестественно выворачивая руки. Верёвка тянет её всё выше, и подозреваемая захлёбывается криком.

– Отпускай! – скомандовал Фёрнер, и верёвка тут же ослабла.

Девушка, рухнула на пару футов вниз, но тут верёвка снова натянулась и суставы несчастной хрустнули, сухожилия растянулись. Она закричала от жуткой боли, засучила ногами, а затем срывающимся голосом призналась:

– Я – ведьма!

– Извольте опустить.

Палачи опустили Анну на пол, она встала на ноги, подняла блестящие от слёз глаза на судей.

– Я невиновна, моей вины перед Богом нет!

– Поднять, – скомандовал Фёрнер.

Девушку вновь вздёрули, кости её опять захрустели, крик снова ударился о гулкие стены камеры. При этом на лице Дитриха играло выражение бесшабашного веселья, он еле сдерживал улыбку: поднять, так поднять.

– дьявол не даёт мне сознаться! – закричала она срывающимся голосом.

Её вновь опустили.

– И так, в чём вы хотите сознаться? – спросил Фёрнер.

– Я была на шабаше, занималась колдовством! – ответила Анна в отчаянии. – Пожалуйста, не надо больше!...

Судьи переглянулись. Доктор Фазольт с пренебрежением покачал головой.

– Этого мало. Что-то ещё?

Девушка молчала.

– Айзанханг, полста розог ей.

Похоже, что новый гость герра Фёрнера, был важной персоной, поэтому викарий и распинался перед ним, стараясь показать все прелести бамбергских инквизиционных процессов.

Готфрид взял из бочки с солёной водой ивовую розгу и приказал Дитриху поднять девушку на страппадо, а затем начал спокойно и размеренно пороть её по белому заду, по спине.

Едва девушку опустили, как она рухнула на холодный пол и тихо заплакала.

– Ишь, стонет, ведьма! – брезгливо бросил доктор Фазольт.

– А теперь, – сказал викарий и глянул на бородатого, следя за его реакцией, – давайте попробуем верёвку.

– Верёвку? – с усмешкой переспросил Дитрих. – Есть!

– Нет! – завывала побледневшая Анна, из её глаз покатались крупные слёзы.

– То есть вы готовы признаться? – поинтересовался Фёрнер.

– Да, я признаю, что я была на шабаше.

– И плясала богохульные пляски!

– Да, плясала.

– Как часто?

– Шабаши были каждую субботу, но я была впервые...

– Ранее вы сказали, что занимались колдовством, а теперь говорите, что были там впервые. Как это изволите понимать? – поинтересовался викарий.

– Меня там заставили колдовать.

– И как же вы колдовали?

– Мне дали глиняный горшок, и сказали набрать в него... м-м... дохлых лягушек. Это для того, чтобы вызвать дождь, – принялась объяснять ведьма.

– И она его вызвала! Посмотрите на улицу, герры! – ехидно вставил Фазольт. На улице, за решётчатыми окнами, действительно шёл дождь. – Герр секретарь, прошу отметить этот факт – вредоносное колдовство.

– Хорошо, и кто же вас привёл на шабаш? – спросил Фёрнер, когда писари перестали скрипеть перьями.

Ведьма опустила глаза и обречённо ответила «Рудольф Путцер».

– Где вы с ним познакомились?

Подсудимая, то и дело всхлипывая и забито озираясь, начала рассказывать, как недавно она рассталась с женихом. И вот, когда она сидела и плакала над своей судьбой, к ней подошёл незнакомец и предложил ей помочь вернуть потерю. Конечно, она согласилась. У неё не было выбора. Тогда дьявол, а это был именно он, потребовал её подписать контракт. Конечно же, кровью. И, едва она его подписала, незнакомец указал ей на идущего мимо Путцера и сказал ей идти вместе с ним на шабаш в следующую ночь. Так она и очутилась здесь.

– Во сколько начинался шабаш? – уточнил Фёрнер.

– В полночь. А закончиться должен был под утро, когда все расходились.

– Был ли там дьявол?

Анна всхлипнула и закашлялась.

– Да, был. Всё время сидел на своём троне. У него такой трон... из костей... Все ели, пили и все хвалились своими злодеяниями.

– И чем же угощал вас дьявол? – ехидно спросил Фазольт. – Вкусно было?

– Еда там была вся безвкусная и... по ней ползали черви. Всё было плохо приготовлено. Пирог с крысами. Ещё собаки варёные. Ни хлеба, ни соли там не было.

Фазольт хмыкнул, а Фёрнер одобрительно кивнул, а бородатый с книжечкой всё усердно царапал что-то на страницах.

– А что было потом?

– Потом мы все должны были раздеться и совокупиться друг с другом... – колдунья всхлипнула.

– Оргия, – подсказал доктор Фазольт.

– Вы вступали в интимную связь с дьяволом?

Анна опустила голову и завывала в голос, пытаясь произнести «нет».

– Байер, извольте поднять её ещё разок.

Дитрих молодецки выдохнул, крутанул своё колесо, потом резко крутанул обратно и застопорил. Ведьма завизжала от боли, начала извиваться как змея.

– Вы вступали в интимную связь с дьяволом?

– Да! – кричала Анна Фогельбаум. – Отпустите!

Дитрих посмотрел на Фёрнера, и тот кивнул. Ведьму опустили, но она не устояла на ногах и шлёпнулась на холодный камень, продолжая плакать и стонать.

– Расскажите, вы подписали с ним контракт? – от холодного голоса Фёрнера даже палачей пробирала дрожь.

Однако ответом ему были только всхлипывания. Готфрид с Дитрихом подняли несчастную на ноги и посадили на стоявший тут же трёхногий табурет. Какое-то время она плакала, и герры судьи начали о чём-то тихо переговариваться между собой, и до Готфрида стали долетать редкие фразы: «...молода...», «...быстро сознаясь...», «... нужно узнать о дьяволе...». Фёрнер вполголоса расспрашивал бородатого о том, как ему нравится дознание. Бородатый одобрительно кивал и приговаривал: «Да, да... очень даже... в том смысле, что просто превосходно...»

Наконец Фогельбаум успокоилась и теперь уже она ожидала, пока судьи прекратят свои разговоры.

– Ну так что? – Фёрнер обернулся к ней последним. – Вы подписали с ним контракт?

– Он... он чуть не задушил меня. Уселся на меня сверху и начал душить, заставляя подписывать какую-то бумагу...

– Вы хотите сказать, что это произошло не по вашей воле?

– Конечно нет! Я всегда была верна только церкви, но тогда просто испугалась. И подписала бумагу. Я тогда ещё не знала, что это было.

На подсудимую было жалко смотреть: она вся скрючилась, побледнела, её горячие слёзы капали на тёмный каменный пол. Только что она подписала себе смертный приговор. Призналась, что она ведьма. Теперь её заставят выдать своих товарищей и товаров...

– Ладно, – сказал Фридрих Фёрнер, встав. – Вы всё записали, майстер Шталь? Хорошо. На сегодня хватит с неё, все свободны. Байер, уведите её в камеру. Айзанханг, завтра извольте расспросить о других сообщниках, а сейчас, как закончите, прошу вас тотчас в мой кабинет. Герр Эбенхольц, пойдёмте.

С этими словами комиссия встала и вышла из пыточной. Дверь с лязгом закрылась.

– Что это за грамотей с ними был? – спросил Дитрих. – Ну, бородатый такой, который писал всё время. Эбенхольц, вроде, или как-то так.

Готфрид пожал плечами, поигрывая розгой.

– Сам не знаю. Может их величество император кого прислали? Ну, чтобы проследить за всем.

– Да, похоже на то. Спроси у герра Фёрнера, а?

– Не думаю, что нас это касается, – пожал плечами Готфрид.

– Ага. Ну что, – сказал Дитрих, косясь на скрючившуюся на полу ведьму, – может ещё с ней повеселимся?

– Давай без меня, – покачал головой Готфрид, забрасывая розгу обратно в бочку. – Я к Фёрнеру.

– Так ещё же время есть! Успеем! – бросил тот, отвязывая Анну.

Однако Готфрид уже выходил, затворяя за собой тяжёлую скрипучую дверь. Последнее, что он услышал, было:

– ... тебе же всё равно помирать, так что давай хоть удовольствие в последний раз получишь...

Благодетель. Святой Дитрих, доставляющий удовольствие приговорённым.

Экипаж викария уже уехал. Готфрид поспешил и через несколько минут уже был в ратуше.

Он достал гребень, расчесал волосы, оправил камзол, протёр туфли рукой, подтянул чулки, и только потом постучался в кабинет. Фридрих Фёрнер сидел за своим столом, откинувшись на спинку кресла, а перед ним, со своей книжицей в руках, находился тот самый мужчина с бородой и длинными бакенбардами, который присутствовал на дознании.

– Садитесь, Айзанханг, – викарий указал на стулья, рядом стоявшие справа от двери.

Готфрид сел, мимолётом удивившись тому, что герр Фёрнер не оставляет его ждать, как обычно, за дверями кабинета, а приглашает внутрь во время, очевидно, важного разговора. Почему? Может быть он хочет обезопасить себя, и позвал Готфрида, если вдруг понадобится защита? Тогда кто же этот незнакомец?

– Итак, я начал с... – викарий вопросительно глянул на своего гостя, и тот поспешно прочитал из своих записей:

– «Родился в 1570-м году в Вайсмани»...

– Ах да, – Фёрнер кивнул и продолжил свой рассказ.

Он говорил о своём детстве и юности в Вайсмани. О том, как учился теологии в Вюрцбурге и в Collegium Germanicum в Риме, и как впоследствии стал настоятелем в Бамберге в 1594 году. Затем он начал стремительно подниматься по служебной лестнице духовенства: соборный проповедник, соборный викарий, член духовного совета. Всё это время он занимался борьбой с реформацией в своих проповедях и сочинениях. Дружба с епископом, Иоганном Готфридом фон Ашхаузенем, помогла ему в 1610 занять место генерального викария, евангелиста Иоганна Шенера. В заместители он выбрал одного из самых верных своих людей – доктора права Эрнста Фазольта. Собрав вокруг себя группу преданных подчинённых, Фридрих Фёрнер стал крепкой опорой для Ашхаузена, потому что тому приходилось исполнять обязанности архиепископа как в Бамберге, так и в Вюрцбурге. Взяв на себя большую часть дел епископства, викарий, вместе с Эрнстом Фазольтом, в 1611 году отправился в поездку по всему епископству.

– Я был поражён, – говорил Фёрнер. – Оказалось, что в деревнях канонов и заповедей никто не соблюдал! Люди там предавались греху, даже не зная, что грешат! От полного грехопадения их спасало лишь нравственное чувство, которое есть у каждого человека от Бога. В местных церквях не было дипломированных священнослужителей. Более того, многие из них даже не умели читать! Plenus venter non studet libenter, как говорится. Это потрясло не

только меня и моих спутников, но даже епископа, когда мы сообщили ему о положении дел. Было решено исправить это безобразие. Через год я имел честь стать личным викарием его преосвященства, а в тринадцатом году мы отправились во вторую поездку по епископству. Я тогда мало спал, почти не ел, однако же по дороге мы посвятили около десятка тысяч людей в святое таинство конфирмации. Так же нами была основана семинария, что позволило дать священникам хоть какое-то образование.

В его словах не было ни капли самодовольства или тщеславия. Разве что сочувствие делу Церкви. Викарий не строил из себя мученика, святого или героя. Он просто рассказывал свою историю, рассказывал о тех усилиях, которые он прилагал к святому делу. И которые, по его мнению, должен был бы приложить каждый на его месте.

– Наш доблестный епископ, – продолжал он, – принял сан где-то семь лет назад, то есть, получается, в двадцать третьем. Почти сразу после смерти Ашхаузена. Между прочим, пост епископа Вюрцбурга занял его двоюродный брат, досточтимый Филлип Адольф фон Эренберг.

На улице послышался шум толпы, недовольные крики. Фёрнер привстал со стула, выглянул в окно позади себя, а потом сел обратно, сказав:

– Прошу вас, не обращайтесь внимания, обычное дело. Кстати, охота на ведьм у нас началась позже, чем в других немецких городах – в девятом году, с приходом к власти епископа Иоганна Готфрида фон Ашхаузена. В борьбе за спасение невинных душ, в этой войне против дьявола, было казнено более трёхсот человек по обвинению в ведовстве.

– А как епископ относится к инквизиции? – спросил Эбенхольц, оторвавшись от своих записей, чтобы смочить слюной свинцовый карандаш.

– Могу с уверенностью сказать, что их преосвященство, герр епископ, имел честь стать достойным преемником герра Ашхаузена. Похвастаюсь, что на сегодняшний день нами казнено около восьми сотен разнообразных еретиков и ведьм. Хотя, если задуматься, все мы твари божьи, и в таком количестве смертей, конечно, нет никакой чести. Но многие знатные горожане, как раз за самоотверженную борьбу, называют нашего правителя «Ведьмосжигателем». А я его скромный слуга. И плоды нашей работы видны и знати, и простому обывателю: колдунов и ведьм теперь выдают более охотно, потому что знают, что церковь никакое зло не оставит безнаказанным. Число же еретиков-лютеран, попадающих к нам в руки, настолько мало, что я смею предполагать, что в городе их осталось не более пары десятков.

Между прочим, при герре Дорнхайме мы построили Труденхаус – этакую тюрьму для ведьм. Во-первых, старая тюрьма не вмещала весь этот сброд. А во-вторых, колдуны своими зловонными магическими эманациями могли навредить другим заключённым, отбывающим справедливое наказание за обычные проступки или ожидающим суда.

Кстати, многие чиновники и даже бургомистр Иоганн Юниус оказались колдунами, мешающими святой церкви бороться с инакомыслием и пагубой духовной. Этих людей мы нашли и казнили, после справедливого и быстрого суда. Так мы облегчили себе борьбу с инакомыслием. До этого герр епископ являл собой единство власти административной и духовной, а теперь вся законодательная, исполнительная и судебная власти сосредоточились в его руках, давая ему полную свободу для защиты веры от колдунов и богоотступников.

Инквизиционные органы при герре епископе получили колоссальную поддержку и развитие: охота на ведьм идёт силами городской стражи, лояльные епископу судьи ведут закрытые судебные процессы, и быстрые, без лишних проволочек, казни виновных. А закон следит, чтобы имущество казнённых отправлялось на нужды Церкви и инквизиции. Вдобавок, близкие родственники осуждённых должны содержать всех связанных с казнью людей за свой счёт до конца дней, что открывает больший простор для просветительской деятельности.

Бородатый быстро записал это в свою книжицу и облегчённо вздохнул. На лбу у него появилась испарина.

– Кстати, – сказал викарий, – вот этот человек, он как раз и занимается делом, о котором я вам говорил. Его зовут Готфрид Айзанханг, он прекрасный ведьмоискатель, верный делу церкви. Ни единого разу ещё не случилось такого, чтобы он нарушил приказ или был заподозрен в ереси. Я позвал его сюда именно для того, чтобы сообщить, что у него есть все задатки настоящего инквизитора. Я планирую понаблюдать за ним и, вероятно, присвоить более высокое звание. Несмотря на то, что он простой унтер-офицер, за его плечами воспитание и обучение в монастыре святого Михаила.

Бородатый подошёл к нему, пожал руку и представился:

– Вольфганг Эбенхольц, очень приятно.

Из-за свинцового карандаша, который он всё время смачивал слюной, у него на языке осталась чёрная полоса.

– Вольфганг Эбенхольц, – пояснил Фёрнер, – демонолог и мой хороший друг. Он путешествует по всей Европе и собирает сведения для своей книги.

Готфрид сидел, не зная, что ответить. Фёрнер так огорошил его возможным повышением, что в голове смешались все мысли.

– Смею мечтать, что эта книга будет достойна таких усилий, – улыбнувшись сказал Эбенхольц.

Он был высок и худ, на его узком лице фанатично горели чёрные глаза, и взгляд его был острым, как игла.

– Надеюсь, – кивнул Фёрнер. – Вольфганг, ты можешь спрашивать Готфрида о чём угодно, и он расскажет тебе всё в подробностях.

– Большое спасибо, – ответил демонолог, – если мне что-то будет не ясно, я обязательно обращусь к герру Айзанхангу.

– Хорошо, – сказал викарий. – А теперь Айзанханг, будьте любезны, проводите моего гостя на улицу. Знаете, все эти люди... просто для сохранности. И завтра с утра с Байером зайдите, чтобы получить распоряжения на день. Ах да, и не стесняйтесь, заходяйте ко мне в кабинет после работы. Мы здесь с герром Эбенхольцем часто ведём праздные беседы, и будем очень рады видеть вас.

Для Готфрида это была не просьба, а прямой приказ. Повышение! Он может стать настоящим инквизитором!

Они распрощались с Фридрихом Фёрнером и вышли из кабинета.

– А о чём ваша книга? – спросил Готфрид скорее из вежливости, нежели из любопытства, пока они шли по гулкому коридору на улицу. Близился вечер, и служащие ратуши помаленьку расходились домой.

– О, моя книга, надеюсь, станет хорошим подспорьем любому инквизитору. В том смысле, что определение ведьм с её помощью станет намного проще и безошибочней. Я пишу об инквизиции, ведовских ковенах и о том, как в разных странах борются с ведовством.

– Очень интересно. И много вы уже написали?

– Я уже почти закончил собирать материал, – кивнул демонолог. – Конечно, хочется больше – я бы, например, с удовольствием побывал внутри такого ковена, чтобы самолично наблюдать их традиции и ритуалы. Жаль, подобной возможности у меня пока не представилось...

Выход на улицу был перегорожен толпой людей. Каждый из них кричал что-то, поэтому ничего нельзя было разобрать в этой каше голосов. Два стражника еле сдерживали их напор, тесня толпу древками алебард и громко ругаясь.

Готфрид вздохнул, мысленно перекрестился и двинулся навстречу толпе.

– Герр инквизитор! Герр инквизитор! – сразу же начали кричать оттуда.

– Что там с моим братом?

– Помогите, мне нужно поговорить с герром викарием!

– Немедленно отпустите мою жену!

– Там моя дочь, Анна! Анна Фогельбаум! Что с ней?

Готфрид молча протиснулся плечом вперёд, придерживая шляпу и помогая себе ножами. Демонолог семенил по образовавшемуся за ним пути. Люди сначала потянулись за ними, но, не успев отойти даже на десяток шагов от двери, с руганью вернулись обратно. Они пока спокойные, думают, что их родственников оправдают и отпустят... Интересно, что будет потом, когда судьба их станет понятна всем? Обозлятся или же спрячутся по домам, как всегда делают? Вероятнее всего, конечно, успокоятся, но кто знает, ведь так много одновременных арестов случается редко. Да, трудновато страже будет вести Фогельбаум обратно в тюрьму.

На улице было душно, словно перед грозой, поэтому Готфрид сбросил с плеч куртку и повесил её на руку.

– У вас красивый город, – заметил демонолог. – В том смысле, что все эти церкви, ваш прекрасный собор... Фридрих говорил мне, что у вас тут процветает духовенство, но я только сейчас обратил на это внимание. Расскажите мне что-нибудь о вашем городе, Готфрид, – попросил он.

– Ну, разве что самое простое, – смутился Готфрид. – Видите ли, я не знаток...

– Но всё же.

– Ну хорошо. Его основали графы Бабенберги. Потом он перешёл во владения кайзера Генриха Второго. Он построил здесь свою резиденцию и...

– Для чего?

– Точно не знаю, но, кажется, для просветительской деятельности на востоке. Понимаете ли, в те времена там было множество язычников...

Демонолог кивнул.

– Тогда понятно, почему у вас так много церквей, и вообще духовенство очень развито.

– Ну, не только духовенство, – возразил Готфрид. – За кайзером сюда начали съезжаться благородные герры, а также ремесленники и торговцы. А после смерти императора, городом правил епископ Клеменс II, который даже после смерти не покинул его. Мы гордимся, что он единственный римский Папа, похороненный вне Италии. Поэтому город так вырос. Теперь Бамберг, конечно, не столица, но некоторые до сих пор называют его столицей всего света или даже «франконским Римом».

– Да, – кивнул демонолог. – Фридрих упоминал об этом. До Рима ему, конечно, далеко... Но не подумайте плохого! Мне очень нравится ваш город, поэтому я сейчас собираюсь прогуляться и посмотреть на достопримечательности. А вы?

– Вам следует поспешить – скоро вечер, а ночью лучше не ходить в одиночестве. А я сейчас домой, – Готфрид развёл руками.

– Тогда подскажите, что там за шпили виднеются?

И он указал на четыре четырёхугольные башни, торчащие над крышами на фоне чёрных туч.

– О, это императорский собор святых Петра и Георгия, – ответил Готфрид. – Самое большое и красивое здание нашего города.

– Великолепно! Вот туда-то я и направлюсь. Желаю вам всего наилучшего, – демонолог пожал ему руку. – Я остановился у Фридриха, так что вы можете всегда найти меня через него.

С этими словами он пошёл прочь.

Глава 8

ЗНАКОМСТВО С ВЕРХОВНОЙ ЖРИЦЕЙ

Готфрид перешёл через Высокий Мост, рядом с которым обычно стояли наёмные кареты и повозки. Пожилой кучер открыл ему дверцу, и он уселся на мягкое, обитое кожей сиденье. Но направился он совсем не домой – путь его лежал на окраину города.

Карета катилась мимо дома Альбрехта Шмидта, стуча по булыжной мостовой деревянными колёсами. Не слишком медленно, чтобы никто не заподозрил неладного, но и не слишком быстро, чтобы можно было разглядеть опустевший дом кузнеца во всех деталях. Готфрид, приоткрыв занавеску, внимательно рассматривал здание: самый обычный дом в стиле фахверк, как и у него. Как и у большинства жителей Бамберга. Грязные потёки с крыши на серых стенах. Над дверью висело изображение молота и наковальни, освещённое последними закатными лучами багряного солнца. Деревянные ставни были открыты, но сквозь мутные оконца нельзя было ничего рассмотреть внутри. Готфрид вздохнул, поняв что ничего тут не разумеет, и бросил последний взгляд в пустые глазницы окон... внезапно ему почудилось там движение. Докатившись до конца улицы, он попросил кучера развернуться и вновь медленно проехать мимо дома кузнеца. Карета с грохотом развернулась и направилась обратно. Готфрид лишь слегка отодвинул занавеску, чтобы не было видно его самого, и продолжил наблюдать. Окна вновь были пусты, однако же входная дверь отворилась, и из дома вышла сгорбленная, одетая в чёрное платье старуха. У неё было сухое, покрытое пятнами лицо, растрёпанные седые космы, хищные глаза осмотрели улицу в обе стороны, а затем цепкие руки закрыли дверь на ключ. Старуха, опираясь на клюку из потемневшего дерева, ещё раз осмотрелась, и вдруг вперила взгляд прямо в лицо Готфрида.

Он хотел было задёрнуть занавеску, но сдержался, зная, что увидеть его с улицы невозможно. Однако же старуха смотрела так, будто знала кто он, и зачем приехал сюда. Её взгляд словно говорил: «Ах вот ты какой... Дай мне получше тебя запомнить...» Он перекрестился.

Вскоре ведьма скрылась из виду, но Готфрид ещё долго ощущал её взгляд, и по спине его бежал холодок. Не решаясь выглянуть на улицу, он прямо из кареты постучал кучеру и крикнул, чтобы тот поскорее вёз его домой, хотя и было немного стыдно перед собой и кучером за такое малодушие.

Как ему показалось, это была та самая старуха, что проводила ритуал в вальпургиеву ночь. Та самая, что привела туда дьявола, та самая, под чьим руководством выкрали Эрику. Ей Готфрид, конечно же, ничего говорить не собирался. Кто знает, а вдруг она испугается, придумает, что за его домом теперь тоже следят и сбежит от него?

Добравшись до дома, где перед дверью уже ждал Мартин, Готфрид вошёл внутрь. Эрика встретила его ароматом мясной похлёбки, который заполнил всё его жильё, выгнав даже въевшийся в деревянные перекрытия запах пыли.

Он сдержанно поблагодарил девушку, а затем вытащил из стоящего на столе котелка большую кость с ошметками мяса на ней, и, выйдя на улицу, отдал Мартину. Пёс завилял хвостом, вцепившись в подарок, и начал глотать его, облизывая и отрывая кусочки мяса. Затем он подхватил своё сокровище и убежал прочь, цокая когтями по камням мостовой.

Готфрид закрыл ставни, чтобы черти или злые люди не взглянули дом, вернулся обратно и запер дверь. Эрика уже накрывала на стол.

– Как прошёл день? – спросила она, пока он раздевался и усаживался за стол.

– Нормально, – ответил он без особого желания и вкратце рассказал о событиях дня, промолчав, однако, о том, что повстречался со старой ведьмой.

Эрика кивнула, поставила на стол крынку молока и отошла.

– А ты не будешь есть? – спросил он, твёрдо решив разговаривать с ней на «ты». Кто знает, сколько ещё времени предстоит провести им вместе?

– Нет, я потом... – неуверенно ответила она.

– Садись, – и он пригласил её за стол, – ты ведь моя гостья. Тем более, нам нужно поговорить.

Она посмотрела на него как-то странно, и неуверенно приблизилась.

– Садись, садись, – он жестом указал на стул напротив, и Эрика присела, сложив руки на коленях.

Готфрид смотрел на неё, не зная как начать. Ему не хотелось выглядеть слишком ласковым с ней, чтобы она не думала, будто за её красоту ей всё дозволено. Но и не хотел напугать, потому что искренне жалел её. Наконец он начал:

– Как думаешь, что может связывать бамбергских ведьм и твоего отца?

Она пожала плечами. Зажато и несмело – она всё ещё его боялась.

– Не знаю. Может быть то, что он всю жизнь был честным католиком. Ещё он побывал на войне, служил Католической Лиге.

– А чем он занимался после, когда стал кузнецом?

– Ковал оружие. Много оружия, у нас все стены им были завешаны. Он даже меня учил фехтовать, но я так ничему и не научилась, – Эрика опустила глаза, и Готфрид поймал себя на том, что ищет другую тему, лишь бы отвлечь её от воспоминаний об отце, потому что на глазах её блеснули слёзы.

– Хорошо, – поспешно сказал он, лишь бы она не плакала. – Очевидно, всё это связано с тобой и твоим отцом. Мы сейчас занимаемся этим делом, и я веду расследование, так что если что-то вспомнишь, обязательно расскажи мне. И теперь давай обращаться друг к другу на «ты». Хорошо?

Она кивнула и вытерла красные от слёз глаза. Готфрид ещё не подозревал, что произойдёт ночью.

* * *

Хэлена встретила Мать на окраине города. Тут повсюду были обшарпанные крестьянские дома, покосившиеся и изгнившие деревянные заборы. Старуха ковыляла по улице, опираясь на клюку, потемневшую от времени и отполированную её руками, через плечо у неё висела потрёпанная тряпичная сумка.

Вместе они прошли за город, на широкий тракт, и Хэлена взяла Мать под руку. Сзади светило заходящее солнце, длинные тени колдуний чернели перед ними, будто бы указывая дорогу. Когда они отошли на приличное расстояние, где людей уже не было, Хэлена сказала:

– Я всё узнала. Его зовут Готфрид Айзанханг, он сержант городской стражи, охотник на ведьм. Солдаты только о нём и говорят в последнее время...

– Я видела, – ответила Мать, кивнув. – Он проезжал мимо.

Они свернули с дороги и углубились в лес тайными тропами. Хотя, какие они теперь тайные, когда каждый распоследний городской стражник знает путь к Кругу Предков? Остаётся одна надежда на то, что суеверный страх перед древними изваяниями не подпустит любопытных горожан близко.

Хэлена рассказала всё, что удалось узнать о Готфриде. О его доме, родителях, друзьях, прошлом... Мать, погруженная в свои думы, кивала и шла вперёд.

Далеко за полночь они приблизились к Кругу Предков. Каменные идолы выглядели во тьме мрачно и таинственно. Мать знаком приказала молчать, прошла вперёд и начала делать пассы рукой, шепча заклинание. Оставалось лишь терпеливо ждать.

Наконец она удостоверилась, что никого нет поблизости, и пошла вперёд, поманив Хэлену за собой крючковатым пальцем.

Старуха подошла к высокому идолу, изображающему человека с мечом, возложила на него руки и закрыла глаза. Постояв так в молчании, она двинулась к следующему. Так она обошла их всех по часовой стрелке, останавливаясь у каждого и вслушиваясь во что-то.

Хэлена ожидала. Тишину нарушал только шум листвы да щебет птиц, которые по весеннему времени не умолкали даже ночью.

Наконец Мать отошла от последнего изваяния и приблизилась к алтарю.

– Этот Готфрид... он очень добр к ней, – проговорила она. – Эрика ему нравится и он не причинит ей зла.

Хэлена ждала, но Мать больше ничего не сказала.

– А почему бы просто не оставить её с ним, раз он не причинит ей вреда? – спросила она.

Старуха покачала головой и ответила:

– Опасность грозит им обоим, но сейчас мы ничего не можем сделать. Спасать её рискованно, если только она сама не вернётся или Готфрид её не отпустит. Поэтому нужно выждать, – она посмотрела в темнеющее небо. – Ночью будет буря.

Хэлена бросила взгляд в сторону города и предложила:

– Может быть, переночуем в хижине? Тут недалеко...

– Круг Предков защитит нас, – сказала Мать спокойно. – Я знаю, как нам вернуть её. И появление Альбрехта оказалось как нельзя кстати...

* * *

За окном быстро сгущались тучи, словно невидимый пастух гнал их призрачными кнутами. Ветер завывал и отчаянно бился в окна, колотил ставнями, грозясь разнести в щепки всё, что попадётся ему на пути. Ещё немного – и лезвия дождя разрежут серый, спёртый воздух затишья перед бурей. Нужно закрыть ставни, иначе окна разобьются, и тогда стихия примется гулять по дому. Готфрид вышел на улицу, оставив шляпу дома. Холодные порывы били в глаза, и волосы трепались на ветру, неприятно щекоча лицо. Он спешил, захлопывал ставни, защёлкивал крючки: одна створка, другая, крючок, следующее окно. Вой в ушах становился всё сильнее и вдруг сквозь него – не показалось ли? – послышался безумный квакающий смех.

Убирая волосы с лица, Готфрид прислушался. Смех отчётливо доносился откуда-то сверху. Он поднял голову – там, на крыше, тёмная фигура в развевающемся платье, золотые волосы полощутся на ветру, как истлевший, рваный флаг. И отвратительный, квакающий смех, как квакает толстая и скользкая жаба.

Это была Эрика.

Даже не закрыв последние ставни, Готфрид бросился в дом. По скрипящей лестнице наверх, через открытый люк на чердак, и на крышу через слуховое окно. Эрика стояла спиной к нему на скользкой черепице, держась за флюгер и смеялась, квакая... или квакала, смеясь? И вращала тучи в небе, вода над головой руками. А они сходились тёмной, всклокоченной воронкой, и ветер всё яростнее рвал их мягкие брюха, всё отчаяннее выл в трубах.

Вдалеке, словно жаркие солнца или огни маяка, горели кресты на шпилях императорского собора. Ночью, в бурю, их не должно быть видно!

– Эрика! – закричал Готфрид, пытаясь подойти к ней поближе, но черепица так и норвила выскользнуть из-под ног.

И Эрика, услышав его голос, опустила руку, повернула к нему голову, и её жабий рот расплылся в чудовищной улыбке. Жаба, жаба в облике человека! Золотые волосы Эрики, которые так приятно пахли, сейчас трепещут перед большими глазами болотного цвета, скользкой холодной кожей, отвратительным лягушачьим ртом.

– Эрика! – ещё раз крикнул Готфрид и проснулся.

На улице бушевала буря, билась в закрытые ставни. Дождь барабанил по крыше, ветер завывал в каминной трубе.

Господи, помоги мне сегодня быть достойным милости твоей и остаться верному тебе, не впасть во грех, и не предаться мирскому.

Готфрид встал с постели и тихонько подошёл к лестнице. Эрика спала, завернувшись в одеяло. Её волосы, совсем белые в темноте, были разбросаны по подушке, словно пшеница после жатвы. Значит всё же сон. Некстати вспомнилась примета: убить лягушку – к буре. Или к дождю? Не важно. Нужно выспаться. Однако в груди засел горячий ком. Это был не страх, не беспокойство, а что-то вроде разочарования. И отвращения. К Эрике? Да нет, ведь это просто сон. Кто же по снам судит о человеке? Только безумец или колдун какой-нибудь, для которого любой сон имеет тайное значение.

Он так и пролежал до рассвета, ворочаясь и размышляя. А когда вышел на улицу, ветер сорвал с него шляпу и косые струи дождя ударили по лицу. Готфрид бросился вдогонку и поймал беглый головной убор, но отряхивая его от воды, бросил взгляд на крышу – туда, где во сне была Эрика.

Глава 9

ВИДЕНИЯ

Дитрих, как обычно, ждал у ратуши. Буря загнала его и стражников под арку ворот, и Готфрид посочувствовал солдатам – им предстояло мокнуть под проливным дождём ещё целый день, мёрзнуть в своём железе.

– Здорово, – сказал он, оторвавшись от своей вечной болтовни.

Друзья пожали руки и вошли внутрь.

По гулкому холлу сновали мальчишки с письмами, плешивые монахи в рясах, тощий секретарь со скрежетом волок конторку по каменному полу, придерживая стоящую на ней чернильницу.

– Ну как у тебя, Готфрид, с Эрикой? Ещё не устроил ей ритуальную дефлорацию? – спросил Дитрих и громко расхохотался, будто в жизни не слышал ничего смешнее, а затем выжидательно посмотрел на друга.

– Ты не мог бы не упоминать о ней при посторонних? – процедил Готфрид сквозь зубы. – И, Дитрих, я же тебе говорю, что ни о чём таком речь не идёт! Её отец был лучшим другом моего отца, так что я считаю своим долгом...

– Ну уж конечно! Да ты влюбился в неё по уши, и только себя обманываешь этими сказками про честь и долг. Я же вижу, у меня опыта побольше твоего.

– Может быть, – холодно ответил тот. – Только давай об этом говорить без посторонних. Мало ли что.

– А что? – деланно удивился Дитрих. – Кто тебя будет подслушивать? Кому вы нужны?

Я говорю, что влюблённость твоя ненормальная! Сколько тебе лет, вспомни?

Он ждал, что Готфрид ответит, но молчание друга так и повисло порванной струной.

– Ну? – спросил Дитрих, чувствуя триумф. Ему приносило удовольствие насмехаться над людьми подобным образом. За это он и получил ощутимый тычок под рёбра.

Когда они зашли под своды ратуши, Готфрид сразу направился к викарию в кабинет. Дитриха он оставил за дверью, сказав что потом всё объяснит.

– Ты мне сразу не мог сказать? – заворчал он. – Вечно тайны какие-то...

Но Готфрид уже закрыл дверь за собой.

– Герр Фёрнер, – обратился он к викарию, после короткого приветствия. – У меня есть, что сообщить вам.

– Я слушаю.

– Это касается нашего дела. Понимаете, я вчера побывал у дома Альбрехта Шмидта...

– Так, – викарий кивнул.

– Я видел, как из него выходила та самая ведьма, которая проводила ритуал в ночь на среду. Которая хотела принести Эрику в жертву.

– Так, – с интересом повторил викарий. – Когда это было?

– Вечером, прямо перед закатом. Она закрыла дверь на ключ и куда-то пошла. Я не смог проследить, потому что она меня заметила...

– Снова без приказа, Айзанханг? – викарий повысил голос, что было редкостью. – Почему вы никого не предупредили? Если мы спугнём их во второй раз, то...

Он замолчал, и Готфрид попытался оправдаться:

– Мне просто было интересно, я даже не думал...

– Ваш интерес может нарушить всё, вы понимаете?

Готфрид опустил голову и тихо сказал:

– Я готов отправиться туда с отрядом..

Но Фёрнер отмахнулся от него.

– С каким отрядом, Айзанханг? То, что вы видели старуху у дома Шмидта, само по себе ничего не значит. Это могла быть его соседка или сестра, да кто угодно! И если отправим туда отряд ландскнехтов, это не только не послужит на пользу делу, но может и нанести вред. Я сейчас же пошлю наблюдателя туда.

– Разрешите мне! – выпалил Готфрид.

– Нет, – викарий резко помотал головой. – Я пошлю другого человека, а вы слишком фанатичны. Он проследит за домом. А когда мы будем готовы, я тотчас назначу вас командовать арестом! Всё. Сейчас отправляйтесь на дознание к Фогельбаум, а я... А у меня пока здесь дела.

Готфрид щёлкнул каблуками и вышел.

Вместе с Дитрихом они быстро дошли до Труденхауса. По дороге он ругал себя: прибежал, как мальчишка, «скорее, герр Фёрнер, надо атаковать, арестовать всех! Я сам готов повести отряд...». Ему стало противно от самого себя, и он сплюнул. «Разрешите мне!». Дурак...

Холодные внутренности тюрьмы приняли их без особой приязни. Из дальней камеры доносились чьи-то дикие, нечленораздельные вопли и грохот двери.

– А ну заткнись там, а то я солдат позову, – прикрикнул Денбар на неведомого бунтовщика. – А, здравствуйте. Проходите, проходите, не обращайтесь внимания...

Они направились к пыточным камерам, но по пути Дитрих остановился возле троих палачей и принялся жать им руки.

– Как дела, Дит? Ты, говорят, служишь теперь? – спросил его тощий парень с густыми чёрными бровями, сросшимися над переносицей.

– Да вроде того, – небрежно ответил Дитрих. – А вы всё тут?

Троица заржала.

– Тут местечко тёплое, – усмехнулся белобрысый палач с подростковым пушком на подбородке. – Недавно плату подняли, а иногда разрешают забить кого-нибудь из молчунов. Ну, ты понимаешь.

– Понимаю, – кивнул Дитрих. – Нас тоже к вам поставили, на время. Говорят, народу не хватает.

– Ещё бы его хватало, – хохотнул третий, толстый и красномордый. – Мы тут чужих не любим. Если кто новый приходит, сразу объясняем, что к чему, так что большинство тут надолго не задерживается. Надо, так сказать, бороться за место под солнцем.

– Ну, ладно, – Дитрих похлопал их по плечам. – Нам уже идти нужно. На днях надо пива выпить вместе.

– Добро, – кивнул толстый. – Потом увидимся.

Командовать сегодняшним дознанием и расспрашивать полагалось доктору Фазольту. Видимо Анну не посчитали важным свидетелем, поэтому решили обойтись одним инквизитором.

Два священника стояли по сторонам от стола, секретарь Иоганн Шмельциг сидел за своей конторкой и подробно записывал, что происходит. Фазольт вздохнул и начал дознание.

Анна Фогельбаум, после того, как её попросили подтвердить вчерашнее признание, снова начала говорить, что верует только во Христа, и что вчера её заставил солгать исключительно дьявол. Так почти всегда бывает – посидит ночь в камере, ужаснётся своей участи, а наутро начинает отпираться.

Руки её, после вчерашней пытки, висели как плети – вывихнутые суставы отзывались жуткой болью при каждом движении и отказывались служить. В серых глазах стояла мука, и, казалось, что она вот сейчас упадёт в беспмятстве на холодный каменный пол.

– Айзанханг, начинайте пытать её, – махнул рукой Фазольт.

Готфрид кивнул. Понимая, как у ведьмы болят руки, он подошёл к неровно оштукатуренной стене, на которой был развешан палаческий инструмент, и кое-что снял оттуда. Два небольших тисочка, в пядь длиной, куда вставлялись пальцы несчастного.

Фазольт оценил его выбор.

– Послушай, ведьма, – предупредил он. – Мы собираемся применить тиски для пальцев. Ты до сих пор будешь искать оправдания?

Ведьма резко помотала головой. Как будто язык проглотила от страха. Знает, видать, что становится с пальцами после того, как их укусят эти вот тисочки.

Фазольт кивнул палачам.

– Дитрих, держи, – приказал Готфрид.

Секунда – и крепкие руки Дитриха ухватили её, верёвка затянута на запястьях. Потом он перехватил грудь ведьмы поперёк, а другой рукой взялся за её связанные и извивающиеся руки. Анна заплакала от боли и страха – плечи, должно быть, причиняли ей адскую боль при каждом движении, а тут грубый Дитрих ухватил её так, что даже у крепкого мужика кости хрустнули бы.

Готфрид надел ей на растопыренные пальцы левой руки одно из своих приспособлений. Красивые, женственные пальчики, которым если и стоит работать, то только ощипывая спелый виноград с вьющихся лоз. И потемневшие от времени тиски, отполированные множеством рук, кривые, сделанные, видимо, самым ленивым подмастерьем, с выщербленным винтом в середине. Один только их вид наталкивал на мысли о раскаянии.

– Признаёте ли вы, Анна Фогельбаум, что в ночь на первое мая подписали договор с дьяволом, отдав ему свою бессмертную душу в обмен на мирские блага? – начал читать Фазольт с одной из бумаг.

Руки повернули винт, железные челюсти тисков сомкнулись на кончиках пальцев. Ещё поворот, и фаланги хрустнули, ногти смешались с плотью в сплошном месиве.

– Признаю! – выкрикнула Анна и разревелась, с ужасом глядя на свои когда-то тонкие и женственные пальчики.

– Признаёте ли вы, что с помощью колдовства наносили вред людям и животным?

– Признаю!

– Как это происходило?

– Я варила колдовские зелья, морила скот. Собирала лягушек в горшок, чтобы вызвать дождь.

– Возможно вы просто хотите прекратить свои мучения, сознаваясь во всём, – задумчиво сказал инквизитор. – Вы раскаиваетесь в содеянном?

– Да, ваша честь, – пробурчала ведьма, опустив голову.

Иоганн Шмельциг записал признание. Фазольт вздохнул, подпёр голову рукой и начал без особого интереса рассматривать инструмент на стене, пережидая, пока ведьма успокоится, пока утихнут её рыдания. Из соседней комнаты донеслись жуткие крики. Кричала женщина, захлёбываясь рыданиями, но сквозь её плач были слышны холодные и жёсткие голоса инквизиторов.

Фазольт начал читать дальше:

– Назовите соучастников шабаша.

– Никого я там не знаю, – залепетала Анна. – Я впервые там...

– Тиски!

– Рудольф Путцер! – закричала она, но Фазольт лишь поморщился.

– Не нужно называть тех, кого мы уже поймали, ведьма! В твоих же интересах отвечать чётко и быстро, и тогда ты потерпишь меньше мучений. Неужто дьявол даёт вам мётлы и колдовские мази, но забирает остатки разума?

Ведьма молчала.

– Ну? Так кто ещё, кроме известных нам, был на шабаше?

Она попыталась что-то промычать, но остановилась.

– Тиски!

Ведьма вновь закричала.

– Кто? – давил судья.

– Мария Вагнер, Альберта Фегер! – выкрикивала она, задыхаясь. – Они привели меня, я никого больше там не знаю!

– Неплохо, – одобрительно кивнул Фазольт. – Можете подтвердить это на очной ставке? Отлично. Герр Шмельциг, подготовьте приказ об аресте Марии Вагнер. Где она, кстати, живёт?

Ведьма рассказала ему всё о троих еретиках, и её отправили обратно в камеру. Слишком быстро сдалась, обычно держатся подольше. Молодая ещё.

Потом Готфрид с Дитрихом отправились в ратушу.

– Как думаешь, отпустит нас пораньше? – спросил Дитрих.

– Наверное. Пятница ведь.

– Ох, надеюсь. У меня сегодня ещё дела есть – надо мамке помочь, да в пивную сходить.

Пойдёшь со мной?

– Нет, – Готфрид помотал головой. – Меня Эрика дома ждёт.

– Тебе эта баба дороже пива, – буркнул Дитрих.

Они поднялись к кабинету викария и постучали.

– А, Айзанханг, извольте зайти.

– Простите, – сказал Готфрид, просовываясь в дверь. – На сегодня будут ещё поручения?

– Здравствуйте, – невпопад вставил Эбенхольц.

– Нет, нет, – замахал руками Фёрнер. – Байер может быть свободен, а вы заходите, посидите с нами.

– Разрешите сообщить Байеру?

– Извольте.

Готфрид на мгновение выглянул из кабинета и сказал Дитриху, что тот свободен.

– А ты? – удивился тот.

Готфрид пожал плечами и вернулся в кабинет.

– Именно! – викарий снова погрузился в прерванную беседу. – Не ведьмы одиночки, большинство из которых просто малолетние фантазёрки, а настоящий ковен, я бы даже сказал, *conventus professionalis*!

– Фридрих, а ты знаешь, что означает слово ковен? – еле сдерживая возбуждение, спросил Вольфганг.

Фёрнер подозрительно посмотрел на него и осторожно ответил:

– Знаю. Это колдовская община.

– Да нет, – отмахнулся демонолог. – Я говорю об этимологии, корнях этого слова...

Лицо Фёрнера сделалось обречённым, но он терпеливо молчал.

– Слово «ковен», – продолжал Эбенхольц, – происходит от латинского «*convenio*», что означает сходиться, съезжаться, собираться... э-э... сейчас, – он пролистал свою книжицу и ткнул пальцем в записи. – Ага, «означает сходиться, съезжаться, собираться, общаться, встречаться, соглашаться, соответствовать, подходить, сочетаться, соединяться, сцепляться, а так же спариваться и вступать в половую связь». Что очень интересно, учитывая то, что еретики не только «встречаются» и «общаются» на своих шабашах, но так же вступают в половую связь в отвратительных оргиях.

На лице его застыл восторг. Демонолог явно был доволен своим открытием и ожидал одобрения и похвалы от Фёрнера.

– Это всё весьма интересно, – сказал викарий, – только я имею в виду нечто иное...

В дверь постучали, и, едва Фёрнер разрешил войти, в кабинет ввалился молодой стражник, запыхавшийся от бега.

– Ваше преосвященство! Там ведьму привели! – начал тараторить он. – Велено вам доложить...

Викарий со вздохом поднялся.

– Прямо сюда? – поинтересовался Фёрнер.

– Так точно.

– Что ж, пойдёмте, Айзанханг. Вольфганг?

– Нет, спасибо, Фридрих, я лучше побуду тут.

Фёрнер достал из шкафа какой-то чёрный ящичек с металлическими набивками на углах, передал его Готфриду. Ящичек был тяжёлый, в нём что-то звенело и грохотало. Вместе они спустились вниз, где, под конвоем из двоих стражников, стоял красивый молодой мужчина, держа верёвку, которой были связаны руки красивой молодой девушки.

– Что тут случилось? – поинтересовался викарий.

– Она ведьма, – заявил красивый молодой мужчина, указывая на упирающуюся девушку.

– Я не ведьма, Пауль! – чуть не плача ответила та, и начала дёргаться, пытаясь вырвать конец верёвки из его рук.

– Почему вы решили, что эта девушка – ведьма? – спросил викарий.

– Я не ведьма! – упрямо повторила она.

– Вы не поверите, герр инквизитор, но у неё, – Пауль наклонился к уху Фёрнера и что-то прошептал, потрясая открытой ладонью с оттопыренными пальцами.

У невозмутимого герра викария, которого обвинитель принял за инквизитора, округлились глаза.

– Целых пять! – повторил Пауль шёпотом.

– В таком случае, её нужно осмотреть. Айзанханг и... Кляйн, – Фёрнер указал на одного из стражников, потому что Дитриха не было рядом. – Отведите её в этот зал. Вы, Пауль, пойдёте с нами. Остальные – разойтись.

– Что вы делаете? – запричитала подозреваемая, но крепкие руки уже схватили её за плечи.

Фёрнер, тем временем приказал нескольким стражникам разыскать судей: Герренбергера, Шварцконца и Айнвага.

Готфрид с Германом привели её в просторный зал суда и усадили на стул. Вскоре появились судьи, и герр Фёрнер с Гансом Шталем, своим личным секретарём.

– Ну что же, давайте приступим, – сказал викарий, когда все расселись по местам и перестали скрипеть стульями. – Вот вы... хм... как вас зовут?

– Пауль Фаульбуре, – ответил красивый молодой мужчина.

– Итак, Пауль Фаульбуре привёл сюда эту женщину и утверждает...

Викарий сделал паузу и посмотрел на Пауля, ожидая продолжения.

– Что? – смутился он, но быстро опомнился. – А, я утверждаю, что эта женщина – ведьма.

– Извольте предъявить доказательства.

– У неё пять сосков на груди!

Судьи переглянулись и озадаченно покачали головами.

– Что вы на это скажете? – обратился Фёрнер к девушке. – И, представьте, пожалуйста.

– Меня зовут Кристина Фаульбуре...

– Вы что, сестра этого человека? – удивился доктор Шварцконц.

– Нет, понимаете, дело в том, что я его жена...

– Жена? – удивлённо ахнули все разом. Такой преданности Богу можно было лишь завидовать.

– Да, это моя жена, – сказал он. И, будто бы оправдываясь, добавил: – Мы поженились недавно.

– Хорошо, в таком случае, расскажите всё по порядку, – попросил доктор Герренбергер.

Оказалось, что в первую брачную ночь, этот молодой муж, ни разу до свадьбы ни уединявшийся со своей женой, обнаружил, что она, хоть и девственна, но имеет пять сосков на груди.

– Вы представляете, герры судьи, целых пять! – он потряс растопыренной пятернёй, театром пяти сосков. – Пять!

– Давайте проверим? – с энтузиазмом спросил Шварцконц. Другие судьи, хоть и скривились, но не отказались – дознание есть дознание.

Готфрид начал оголять ей грудь.

– Что вы себе позволяете! – закричала она, и попыталась отбиться, но связанные руки ей этого не дали.

– Вот, видите! – сказал Пауль Фаульбире.

Трое судей в удивлении затихли. На груди Кристины и вправду было пять сосков. Три на правой, в форме треугольника с вытянутой книзу вершиной. Самый нижний сосок был скорее под грудью, чем на ней. Два же оставшихся соска были на левой груди – один там, где положено, а другой немного справа и чуть повыше. Все соски были разного размера и формы, поэтому судьи в отвращении скривились и начали торопливо креститься.

– Отвратительно! Это нарушение божественной симметрии подобно преступлению! – сказал Герренбергер. – Айзанханг, оденьте её!

– А как же проверить её на дьявольские метки? – спросил Шварцконц. – Может быть эти соски у неё вовсе не от дьявола?

Двое оставшихся судей, вместе с герром Фёрнером поглядели на него, как на умалишённого.

– Ну, давайте проверим, – сказал молчавший до этого Айнваг.

– Айзанханг, будьте любезны, откройте ящичек, – попросил Фёрнер.

Внутри чёрной коробки лежали палаческие инструменты. Самые малые, конечно, но также и одни из самых действенных: тиски для пальцев, шило для проверки дьявольских меток, воронка, клещи... Готфрид взял шило. От обычного шила оно отличалось тем, что на рукоятке имела небольшая кнопочка. Когда кнопочку нажимали, то внутренний упор иглы сдвигался, и шило легко входило в ручку. Это подсказал ему Дитрих и научил, как пользоваться таким устройством.

Пока Готфрид колот шилом её «нечувствительные» к боли соски, Паулю Фаульбире, как верному сыну Церкви, отсыпали вознаграждение за донос на ведьму и отправили домой.

Кристина сразу потеряла всю уверенность в себе и стала испуганными глазами смотреть на судей.

– Ну что, – произнёс Герренбергер, – покажите ей инструменты.

Готфрид продемонстрировал девушке остальной палаческий инструмент, разложив его на столе: стальные тиски, воронка, клещи... и простая верёвка – одно из самых страшных.

Она заплакала и начала что-то бормотать, нервно тряся головой.

– Герры судьи, – произнёс молчавший до этого Фёрнер. – Давайте на секунду остановимся и подумаем: в чём виновата эта девушка?

Судьи прекратили все разговоры и дружно уставились на Фёрнера. А на лице того блуждала полуулыбка.

– Вы сами слышали, что её муж сказал, что она сохранила девственность. Он так же не упрекнул её в колдовстве. Следовательно остаётся лишь её... хм... уродство. Врождённая особенность. *Corporealis anomalía*. Но разве виновна она в этом?

Судьи молчали, а викарий продолжал.

– Так какой же приговор мы ей вынесем? Обвиняется в «нарушении божественной симметрии»? Но, позвольте, разве стоит винить скульптуру в её непропорциональности? Любой нормальный человек вам скажет, что винить в этом стоит скульптора. Но ведь это ересь! Всё, что создаёт Господь, служит его неисповедимым целям. Я считаю, что эта девушка не только невиновна, но даже полезна. Да, да, полезна! Если Господу было угодно создать её с пятью сосками, кто знает, может быть ими она выкормит пятерых верных католиков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.